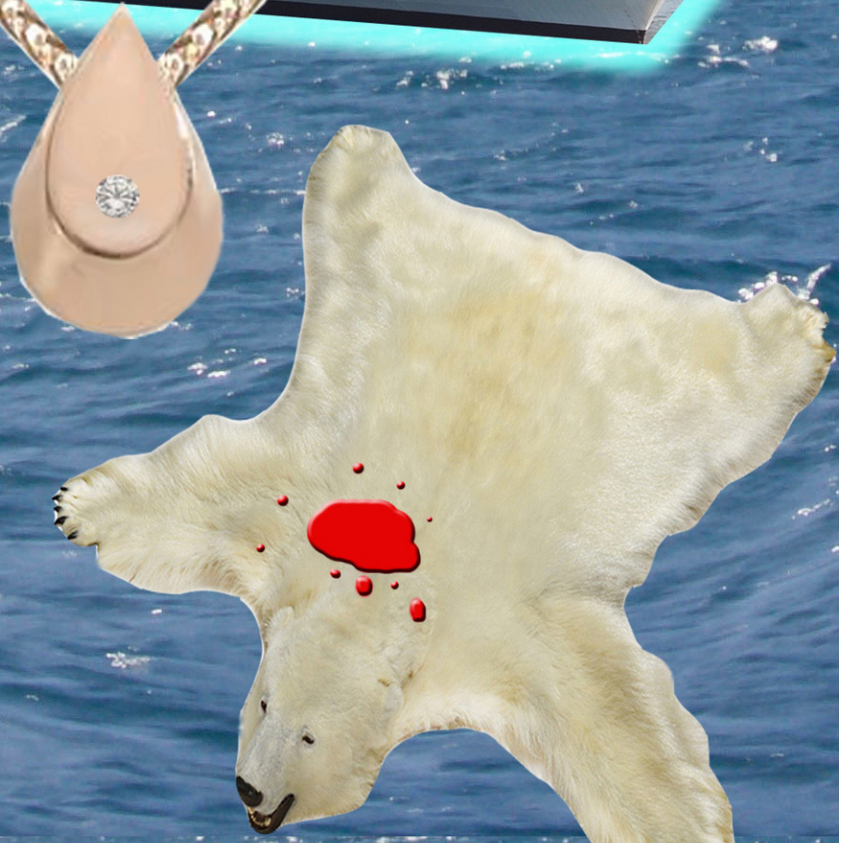

МАРГАРИТА МАЛИНИНА

КАЮТА СМЕРТИ,
ТЕПЛОХОД ЛЮБВИ

ЮЛЯ И КАТЯ: ПОРА БРАТЬСЯ ЗА РАССЛЕДОВАНИЕ

Юля и Катя: пора браться за расследование

Маргарита Малинина

Каюта смерти, теплоход любви

«Автор»

2020

Малинина М.

Каюта смерти, теплоход любви / М. Малинина — «Автор»,
2020 — (Юля и Катя: пора браться за расследование)

Подруги Катя и Юля часто сталкиваются с необъяснимыми явлениями. Но еще чаще – с мошенничеством, завуалированным под мистику. Вот и на этот раз, отправившись в речной круиз, они узнают, что на теплоходе имеется проклятая каюта-люкс: каждый, кто когда-либо в нее вселялся, умирал, проведя там всего одну ночь. Организаторы круиза, будто бы ни о чем не подозревая, начинают разыгрывать лотерею на проживание в люксе среди пассажиров нижней палубы, где, на свою беду, и поселились девушки. Ко всему прочему, по лайнеру разгуливают люди с экстрасенсорными способностями: одни убивают взглядом, иные двигают предметы силой мысли, третьи видят будущее... Может быть, именно они связаны с таинственными происшествиями на судне? Подруги должны разгадать этот ребус до того, как лотерея смерти выдаст их имена... Ранее роман издавался под названием «Лилии распускаются в полночь».

© Малинина М., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Катя	7
Юля	11
Катя	17
Юля	25
Катя	33
Юля	38
Катя	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Маргарита Малинина

Каюта смерти, теплоход любви

Пролог

Двое пятидесятилетних мужчин встретились в рабочем кабинете одного из них. Интерьер был сдержанным, нарочито презентабельным, сугубо официальным, оттого не слишком комфортным, иными словами, к длительным задушевым беседам не располагал. Впрочем, для этих нужд его и не использовали. Визиты были частые, но недолгие и все лишь по деловым вопросам. Вот и сейчас новый визитер стоял посреди не очень просторной комнаты и возмущенно тряс какой-то яркой глянцевой бумажкой. Был в ней и текст, были и таблицы, и даже имелись картинки.

– Я только что получил новый прайс, – говорил он, – и в нем ошибка.

– Да? – делано удивился хозяин кабинета. Возникло ощущение, словно он знает, о чем идет речь, но не спешит переходить к этой теме. – И что же с ним не так, с этим прайсом?

– В него ошибочно включили каюту-люкс. Видимо, брали за образец прошлый прайс и забыли удалить.

– Почему же ошибочно? Никто ничего удалять не собирался. – Голос мужчины был спокойным, тихим, но твердым. Он неспешно произносил слова, точно они требовали многих физических затрат, а ему было лень.

Оппонент, напротив, заговорил быстро и крайне взволнованно:

– Ну как же это, Ефим Алексеич? После того, что было... Мы же обсуждали это в конце прошлого рейса! Вы согласились не продавать больше билеты в этот злополучный люкс!

– Вадим Михайлович, вы представляете себе, что убрать этот люкс с продажи означает объявить себя банкротами? Эта каюта приносит половину дохода за весь круиз! На нее записываются за полгода вперед. Причем такие люди, которые составляют элиту нашей страны и ради которых билеты покупают многие другие. Просто чтобы посмотреть на этих людей и пообщаться с ними. Заключить партнерские отношения или взять автограф. Как мы можем отказаться от этого, подумайте здраво.

– Но ведь все пассажиры, когда-либо вселявшиеся туда, умирали! Неужели вы забыли это?

– Нет, не забыл. И что?

– Как это – и что?! Это опасно! Я, как капитан судна, несу ответственность за жизнь и здоровье пассажиров! При таком раскладе я отказываюсь управлять теплоходом. Ищите другого капитана.

– И найду! – неожиданно резко повысил голос тот, что звался Ефимом Алексеевичем. Однако продолжил уже тише: – Я смогу найти другого капитана. Может, без такого большого стажа работы и не такого опытного, но тем не менее, управлять посудиной он сумеет. А вот вас, уважаемый, больше не возьмут ни на один теплоход. С моими связями я легко этого добьюсь, вы меня знаете. И куда вы пойдете?

– Да куда угодно! – выкрикнул капитан, но в следующую секунду, задумавшись, опечалился и притих.

– Вот именно, – удовлетворенно кивнул первый. – Для работы слесарем, финансистом, юристом и всеми прочими у вас нет необходимого образования. Да и потом, даже переучившись, никуда пойти работать будет нельзя – всем нужен опыт в данной конкретной области. А у вас семья, ее кормить надо. А как же плавание по волнам? Вода – это же ваша вторая семья, вы сами так говорили. Вы сможете прожить без этого? Подумайте хорошенько, прежде

чем совершать скоропалительные действия. Я, конечно, понимаю, вы сейчас расстроены, вы на нервах, столько смертей на одном лайнере... Но придется собраться с мужеством и просто делать свое дело.

– Но люди все равно обо всем узнают! – запальчиво выдал Вадим Михайлович новый аргумент. – Мы этот люкс все равно не продадим!

– Но как? Как они узнают, по-вашему? Может, вы им скажете перед посадкой?

– Не будет необходимости. Есть же Интернет. Да и вообще, сплетни быстро распространяются.

– Вы правильное употребили слово – сплетни. Слушать их или нет – решает каждый для себя. А из Всемирной сети я все сообщения о тех происшествиях уберу.

– Это можно сделать?

Собеседник отрывисто кивнул.

– Я уже нанял компетентных людей. Они прямо сегодня займутся этим.

Капитан растерянно замолчал, организатор круиза уткнулся в бумаги. Первый собирался уже выйти, даже повернулся, но вдруг, словно что-то вспомнив, обернулся опять к столу. Ефим Алексеевич, почувствовав взгляд, поднял лицо от документов.

– Вы что-то еще хотели? – грозно спросил он. Ему уже начал надоедать этот сверх меры озабоченный капитан. Когда же он покинет комнату и даст нормально поработать?

– Ефим Алексеич... – Произнеся это, Вадим Михайлович на время запнулся. Затем все же продолжил: – Вы никогда не думали над тем, чтобы выяснить, что все-таки с этой каютой не так?

На этот раз сидящий человек помолчал немного, что-то обдумывая. Но очень недолго. После таким же уверенным и спокойным тоном изрек:

– Нет. Зачем? Я же не следователь. Понимаете, каждый в этом мире должен заниматься своим делом. Вы – управлять судном, я – считать прибыль. Вот и идите заниматься своим, а я буду делать свое.

Катя

«Ты все неправильно поняла!» – билось у меня в голове, пока я ворочалась в постели, тщетно пытаюсь уснуть. «Дай хотя бы объяснить!» – эти слова преследовали меня всю дорогу от комнаты до ванной, когда я поняла, что уже десять утра, мне нужно многое успеть сделать, а заснуть так и так не удастся. «Ну остановись! Куда ты понеслась?» – пока я чистила зубы.

Воспоминания и за завтраком не отпускали меня. Вот чем отличаются мужчины и женщины: баба всегда запомнит значимый для нее разговор дословно. Даже если запоминать такое не очень-то хочется... А Женька? Он помнит, что говорил мне? Он помнит, что я ответила? Сомневаюсь.

«Я знала, я с самого начала знала, что так будет! Еще когда впервые тебя увидела!» – вспоминала я собственную реплику, пытаюсь зачихнуть в себя печенье с чаем. И то и другое вставало поперек горла, не желая поступать на пользу организму.

«Катя, зачем ты так? Я же люблю тебя!»

Катя – это я. Женьку Логинова я знаю долгих пять лет. Все эти пять лет я была в него жутко влюблена, по первости не признаваясь в этом даже самой себе. Мы вообще какое-то время среди одноклассников считались врагами (впрочем, самые умные давно просекли, что это любовь, и тихонько посмеивались, когда мы обзывали друг друга или кидались мелкими и не очень предметами). Потом начали встречаться. Сейчас мы на пятом курсе, точнее, заканчиваем пятый курс и пишем диплом. Через месяц защита. Невзирая на отсутствие корочки, Женька умудрился устроиться работать в преуспевающий банк сразу на какую-то среднена-чальственную должность. «Папа помог, видать», – язвительно додумала я свою мысль и отставила так и не опустевшую чашку. Поднялась и вернулась в комнату – собирать вещи. Пока глаза искали новую кофточку, которую я собиралась взять с собой в путешествие, а руки перебирали все попадающиеся предметы, голова продолжала воскрешать в памяти тот злополучный день, тщательно вырисовывая все детали. Я освободилась пораньше и решила устроить любимому визит-сюрприз, навестив его в банке, чтобы предложить пойти в какое-нибудь заведение. Однако сюрпризом наградили меня саму...

Неожиданный звонок заставил меня отвлечься от воспоминаний. Я бросила найденную кофту в чемодан и пошла открывать. Уже в прихожей меня ударила мысль: а что, если Логинов, отчаявшись дозвониться до меня (я с упертостью барана на все его попытки пообщаться отвечала кнопкой сброса), нагрянул по месту жительства?

Затаившись и вроде бы перестав дышать, я на цыпочках прокралась к двери и присосалась к глазку.

За порогом стоял... Паша Самойлов! Женькин лучший друг, да и с некоторых пор мой тоже. Недоумевая, открыла дверь. Хоть нас с натяжкой и можно было именовать друзьями, но заявляться ко мне домой... Да еще и с утра и без предупреждения... Это было странно.

– Любимова, ты обязана меня выслушать! – начал эмоциональную речь приятель, протаранив себе путь в прихожую. – О! – увидел он тумбу и тут же на нее присел, словно неделю был на ногах, а тут – роскошное седалище повышенной комфортности. Я свою старую, деревянную тумбу таковым не считала, посему устала на Самойлова в изумлении. Но через пару секунд оно прошло: Павел славился своей эксцентричностью, он мог и не такое отчебучить. – То есть нет, не так... Катенька! Наш институт подарил мне самое дорогое и светлое, что могло случиться на моем жизненном пути – встречу с тобой! – А вот такое, например! Здесь я уже выпучила глаза и приоткрыла рот. Да, с Женькой мы учились в одном институте, но Паша – будущий врач! – Ты не пугайся, – шепотом и с совершенно другой интонацией сообщил приятель. – Я это тебе от его имени говорю.

– Зачем?! – только и сумела я пробормотать.

– Ну как? Ты ж его слушать не хочешь! На звонки не отвечаешь. Имэйлы удаляешь сразу, не читая. Пришлось мне взять на себя смелость попытаться вас свести. Буду говорить от его имени дальше, чтобы было понятно. Итак... – Павел уже напустил в свои карие глаза налет тоски, печали и бездонного чувства вины и собрался сказать что-то трогательное.

– Стоп! – прервала я каламбур. – Ты что, как Нестор Петрович решил мне в любви признаться от имени Ганжи? Это полный бред.

– Ты ничего не поняла, – покачал головой Паша. – Не от имени Ганжи, а от имени Жеки. Да, Павел большим умом похвастать не мог. Это не Логинов...

– Или говори, зачем приперся, покорооче и от своего собственного имени, или проваливай сразу! – прикрикнула я озлобленно.

– Фи, какая ты строгая! Как тебя Жека терпит? – обиделся Паша.

– Всё! – выдохнула я и пошла открывать дверь.

– Ну ладно-ладно! – Незванный гость устроился поудобнее на тумбочке, выудив из-под заднего места ложечку для обуви и откинув в сторону. И как он на ней до этого сидел? – Жека ни в чем не виноват! Она сама к нему полезла!

Я вздохнула, помолчала, затем только ответила:

– Я зашла к нему в кабинет и увидела, как он целуется с какой-то длинноногой шалавой. Как я должна, по-твоему, это воспринимать?

– Ты же знаешь, как он нравится бабам! Тебе, кстати, с первого взгляда понравился, ты сама потом созналась!

– И что?

– А то. В банке мужчин не так много. Тем более таких... м-м... сексапильных, – подобрал-таки он слово. – Ну как ты думала, девки его за версту обходить будут, что ли? Нынче каждый алкаш в цене, а тут Жека! Мускулист, умен, красив.

– Слушаю тебя и диву даюсь. Ты тоже, я вижу, в Логинова втюрился! Дифирамбы поешь его телу накачанному. И милой мордашке.

– Блин, Катька, ты бесишь меня уже! – возмутился Павел. – Я вам тут услугу оказываю, и меня еще и представили неизвестно кем! Не влюбился я в Жеку, успокойся. Хотя... – Здесь Самойлов замолчал и призадумался, немного меня напугав. Вдруг по моей вине друг открыл неожиданно, что он гей? Он мне этого никогда не простит... – Ну если только платонически! То есть он мне нравится как человек. Но дело даже не в этом! Пойми, это в мужской психологии – сравнивать. Тут действует древний рефлекс. Если привлекательная самка первой предлагает акт соития, вербально или жестами, прямым текстом или полунамеками – не важно, то первую секунду мужик задумается. Может, первые две. Но тут у него в голове возникнет лик его любимой девушки, освещенный нимбом, и он сделает правильный выбор. Просто ты вошла именно в такую секунду! И если мне мой лучший друг клянется, что это не он целовал девицу, а она его, притом совершенно внезапно, то я ему верю. И верю в ступор в эти первые две секунды. Потом он ее тут же оттолкнул, но ты уже вышла. И что это на тебя нашло? – вдруг сменил приятель тему.

– Ты это о чем?

– Не узнаю тебя, Катюха. Ладно, Юлька бы так поступила, но ты? Я был уверен, что в такой ситуации ты оттаскала бы бабу за волосы, а затем лишила бы мужика его достоинства. Причем самым изуверским способом.

– О, хорошая мысль! – обрадовалась я. – А если серьезно, сама не пойму, что со мной приключилось. Видимо, когда предает кто-то, кому всецело доверяешь и кого любишь больше всех на свете, это сильно деморализует. – Не знаю, отчего я делилась сокровенным с Павлом. Наверно, прошли два дня злости и депрессии, и сегодня я уже готова плакаться у кого-нибудь на плече. – Тем не менее я быстро пришла в себя и даже спустила наглеца с лестницы на глазах

у всех работников банка. А потом бегала по комнатам, искала похотливую вертихвостку, да та как сквозь землю провалилась.

– Да, знаю, Жека рассказывал, – закивал Пашка. – Упустила ты свой шанс оставить выдру без волос. А потом ей, очевидно, добрые тетеньки разъяснили, с кем она связалась. Та и сдулась ветром. Но с Жекой ты так зря. У него синяки, кстати, остались после того живописного полета по ступенькам...

Я хохотнула, вспоминая прекрасные минуты мести.

– Ладно, я тебя выслушала, а теперь вали, мне собираться надо.

– Вот ты думаешь, я не знаю, для чего тебе понадобился этот круиз? – изогнул Павел одну бровь, сроднившись с моей тумбочкой настолько, что выдумывать готов был любые наиглупейшие предлоги, лишь бы остаться. Разве то, что он говорит сейчас, – не глупость? – Ты же сбежать хочешь. От него. А между прочим, если бы он не любил тебя так сильно, простил бы то, как ты опозорила его перед подчиненными, столкнув с лестницы?

– Потому и простил. Знает кот, чью сметану слопал!

– Что? – Самойлов аллегорий категорически не понимал.

– Я говорю, виноват, потому и не обиделся за лестницу и возникшие вследствие знакомства с ней синяки.

– Нет. Он тебя любит, потому и пытается дозвониться. Поговорить.

– Ага. И тебя прислал. Трус. Боится, что опять со ступенек полетит.

– Да не знал он, что я приду! И вообще, не перебивай, когда со старшими разговариваешь! – Не иначе, у Павла поехала крыша! Мы вообще-то ровесники. Ему двадцать два будет в конце мая, то есть почти через месяц, а мне в конце июля. Согласитесь, разница небольшая. Все же я покорно замолчала. – Так вот, ты Юльку подбила в круиз этот специально отправиться, чтобы от Женьки сбежать. Не отрицай, я знаю, что прав, потому что ты не первый раз так поступаешь.

– Я действительно от него сбежала как-то раз или два, но сейчас не тот случай. Круиз на теплоходе был оплачен еще полмесяца назад, а с Логиновым я порвала позавчера. Не сходится! – красочно развела я руками.

Но Самойлов не растерялся! Он у нас не из таких, кто может запросто признать неправоту. Потому он глубокомысленно изрек следующее:

– Ну и что, ты заранее знала, что поругаешься с ним. Вот и заказала путевку. И Юльку подговорила.

– Я не пойму, ты злишься на то, что я рассталась с Женькой, или на то, что Юльку увожу из города на несколько дней?

Павел набылчился и засопел. Значит, я угадала. Юлька Образцова – моя лучшая подруга, в которую Самойлов давно и самозабвенно, но безответно влюблен. Нет, можно подумать, он собирался ее на свидание звать, а я все взяла да испортила этим круизом!

– Так, хватит разглагольствовать, мне еще чемодан собирать, через несколько часов надо из дома выходить, а у меня конь не валялся. Так что чеши отсюда и передай Женьке, что теплоход – это не побег от него, а желание провести отпуск так, как было запланировано. И я вам двоим не ясновидящая, чтобы знать, с кем я поругаюсь, и заранее заказывать путевки!

– Ну хорошо, допустим, я тебе поверил, – кивнул Паша, немного подумав. Удивительный человек! То есть он еще сомневается, что запланированный полгода назад и оплаченный две недели назад отпуск был организован не назло Женьке! – Ты и впрямь не обладаешь экстрасенсорными способностями, в отличие от твоих будущих соседей по теплоходу. Что ж, удачи!

Самойлов резко поднялся с тумбы и тут же вылетел за дверь. Я только диву давалась, за что Бог когда-то свел наши жизненные пути. Видать, не только врагов посылают за грехи, но и некоторых друзей. Затем, опомнившись, вылетела вслед за другом и вернула его в квартиру.

Впрочем, он вовсе не собирался убежать – стоял себе тихонечко на площадке между этажами и ждал, когда я выйду из оцепенения и спущусь за ним. Хитер!

– Паш, я знаю, что ты очень любишь недоговаривать, и все же Расскажи толком и по порядку. Про каких соседей речь?

Друг вынул из-за пазухи запасной план. План «Б», так сказать. План «А» был уговорить меня поверить в Женькину невиновность и простить его. Когда он не сработал, меня решили отговорить от турне посредством... А что это, кстати? Что он достал?

Он передал мне распечатку с какого-то форума. Она занимала добрых четырнадцать листов.

– Ты что, наивно полагаешь, что я стану это читать? Что за хрень?

– Любимова, вот не устаю удивляться, как такой воспитанной, кроткой и вежливой девушке, как Юля, не надоедает дружить с таким гопником, как ты.

– Что-о? – Я задыхнулась от возмущения. – Это я-то гопник? На меня мужики по дороге оборачиваются, и машины сигналият!

– Да, выглядишь ты шикарно, не скрою, – совершенно не по-родственному подмигнул товарищ, чем окончательно добил. Он еще флиртовать со мной будет? Ужас. – Но стоит тебе открыть рот... Словно на улице росла, среди беспризорников. Что ж ты такая хамка, а? Так и норовишь людей обидеть. Между прочим, я очень ранимый человек. Твои слова и крики для меня как нож в сердце. – Я молча сделала два шага к двери, чтобы ту открыть, но Павел понял и оживленно продолжил говорить по делу: – Это переписка экстрасенсов. У них слет сегодня. Отправляются в круиз из Москвы угадай на каком теплоходе.

– Не может быть... – пробормотала я.

– Именно! – обрадовался парень, будто я назвала правильный ответ. – На твоём «Верещагине». Можешь почитать, что они пишут, – кивнул он на листы в моей руке, – они собираются продемонстрировать свои умения, чтобы покорить их главаря. От такого скопления энергетических потоков ваш кораблик может запросто потонуть!

– Тьфу, не каркай, – разозлилась я. – Бред несешь. Не верю я во все это. Все мистическое, с чем я встречалась в своей жизни, на проверку оказывалось ложью и постановкой. В паре таких спектаклей мы с тобой вместе участвовали, вспоминаешь?

– Не важно, – отмахнулся Павел. Ну конечно, оба его плана полетели к собакам бродячим. Он не хотел заострять внимание на своем промахе. – Все равно они будут мешать вам! Разведут свои танцы с бубнами... Пляски вокруг костра... Куклы вуду... И так далее.

– Странные у тебя представления об экстрасенсах, – нахмурилась я. – Я считаю, они вполне безобидны. Даже органам помогают в поимке преступников. Но это настоящие, конечно, таких единицы – да и то если они в принципе существуют. Я не имею в виду тех, которых по «ящику» показывают. И тем более тех, кто общается на форумах. Короче, ступай, Павел. Разговор окончен. С Женькой я общаться не буду и в круиз уеду. Пока.

Самойлов опечалился, повесил нос, вздохнул, поднявшись с тумбочки, куда снова сел, будучи приведенным мной из подъезда, и направился к двери. Когда он вышел, я окликнула:

– Паш, забыла спросить. А как ты вышел на этот форум?

Он отчего-то покраснел. После долгой паузы решился пояснить:

– Я сам там зарегистрирован. – Я прыснула, он быстро заговорил: – У меня бывают вещие сны! И иногда я предсказываю нехорошие события! Например, я на той неделе упал в лужу, а до этого чувствовал, что не хочу идти в гости к бабушке! Прямо не тянет – и все!

– А раньше тебя к бабушке так и тянуло! – хохоча, продолжила я издеваться. – Прям рвался про болезни слушать и обсуждать мыльные оперы!

– Дура! – высказался друг и покинул-таки мой дом.

Хихикая, я вернулась в комнату и чисто машинально кинула скрепленные листы в чемодан.

Юля

– Мам, уже двенадцать, я опоздаю! – взывала я к родительскому человеколюбию, но все было впустую.

– Ничего и не опоздаешь! Я все просчитала. Чемодан мы с тобой вчера собрали. Нам осталось зайти в один магазин купить мяса и печенья, а потом в палатку купить хлеба. Дома ты переоденешься, захватишь чемодан и будешь у Кати точно в срок. Если она уже собралась, сразу поедете на вокзал, оттуда на электричке в Москву. Я посмотрела расписание, там три идет подходящих. Потом на метро до речного вокзала.

М-да, мама у меня что надо. После такой тирады, думаю, не стоит объяснять, как я уродилась такой лапшой. В смысле, выросла, родилась-то я нормальной, как и все остальные дети: кричащей днями и ночами, умещающейся в люльку и сосущей соску. Но когда мать в семье лидер, это делает детей несамостоятельными. Впрочем, я пунктуальна и иногда могу быть собранной, особенно когда речь идет об экзаменах и вожделенных «пятерках». Но в делах житейских мне явно не хватает мудрости и напористости. Моя подруга Катя всего на год старше, и она совсем другой человек. Она бойкая, хваткая и сообразительная. Внимательностью также не обделена. Умна. Очаровательна. Все ее достоинства неоднократно помогали нам в расследованиях. При этом Екатерина не из тех, для кого цель оправдывает средства, этика для нее на первом месте, за что я ее очень уважаю. Я и сама такая, но что мне еще остается? При моей скромности высоких постов я никогда не добьюсь. А Любимова давно могла бы женить на себе какого-нибудь политика и управлять городом. Но что-то я размечталась, к политику в пассиве надо за годы вставать в очередь, а подруга не из тех, кто будет унижаться ради мужчины. Она лучше выберет самого-самого из ближайшего, так сказать, окружения. Из группы ухажеров. А вот меня всегда тянет на несбыточное...

– Юль, ты что, заснула?

Я обернулась на мать. Она уже отошла от прилавка с мясом и направилась в кондитерский отдел. Когда я не работаю и не учусь, например, как сегодня, всегда выполняю при ней роль безмолвного носильщика. Конечно, с моими пятьюдесятью двумя килограммами веса много продовольствия не унесешь, и все же это неоспоримая помощь. Семья состоит из трех человек, один из которых мужчина (мой папа), так что еды в дом приходится таскать немало и часто.

Я догнала родительницу, она всучила мне пакет с говядиной. У самой уже были два с фруктами-овощами.

– Выбирай печенье, а хлеб в палатке купим.

Я вяло оглядела прилавки. Так всегда бывает, мама говорит «выбирай», но мой выбор вечно критикует и покупает что-нибудь другое. И это касается не только магазинов. В итоге я выработала стратегию: пожимание плеч на любой вопрос о выборе. Самолюбие не ущемлено, так как мои предпочтения никто не будет ругать и оспаривать (не я ж их сделала); дилемму решать опять же не мне, и мозг получает отдых; потом, если что-то не так, виновата буду также не я.

– Ну же! – Я пожала плечами. – Что, ничего не нравится? – Снова пожатие. – Тогда берем этого полкило и вот этого столько же.

Тут мой лениво блуждающий глаз уцепился за коробочки зеленого цвета возле продавца.

– У нас зеленый чай закончился! – вовремя вспомнила я, ибо сей дивный напиток обожала вот уже много лет. Но в доме, кроме меня, почему-то никто его не пьет.

Продавец – женщина предпенсионного возраста – с удивлением воззрилась на нашу пару. Она всегда была одна и та же в этом отделе, потому знала о моей особенности молчать, пожимать плечами и в нужном месте кивать.

– Она у вас говорящая? – с настолько свойственными обслуживающему персоналу магазинов советского типа наглостью и нечуткостью к чужой тонкой душевной организации про-басила тетка.

Мама предательски захихикала, заверив, что она сама шокирована, а я надулась. Купив-таки здесь чай и хлеб в палатке, что находилась по дороге домой, мы вернулись в родные пенаты. Эти пятнадцать минут я усиленно гадала про себя, для чего матери так необходимо, игнорируя современные универсамы самообслуживания, понатыканные через каждые пять минут пути, заявляться в подобные учреждения. Скучает по детству и ранней молодости? Или ей так не хватает общения? Но в кого я тогда уродилась такой... такой... скованной? Если б эти магазины были всюду в моем городе, я бы ездила в другой ради одного-единственного гипер-маркета, где не нужно разговаривать с посторонними людьми. Где можно молча напихать все желаемое в корзину и так же молча оплатить на кассе, увидев цифры на табло. Причем один этот магазин предлагает гигантский ассортимент всеразличных товаров. Чтобы собрать такую корзину, мама будет бегать минимум в пять, а то и шесть магазинов и палаток. Впрочем, в гипермаркете тоже есть один, но существенный минус: таких умников много, и в них поэтому всегда многолюдно. Когда людей много, я это тоже не уважаю, даже если общаться с ними не надо. Господи, в кого ж я такая?..

– В бабушку свою.

– Что? – споткнулась я о порог квартиры.

– Опять вслух сказала!

– А-а.

Да, я, к сожалению, часто проговариваю мысли вслух. Это не раз, не два и даже не тысячу ставило меня в наиглупейшие положения.

«Она у вас говорящая?»! Нет, ну надо такое сказать! Посторонним людям! Где воспитание у человека?..

Дома я быстро переделалась (кстати, мама утром, пока я спала, погладила мою одежду, то есть опять лишила возможности побыть самостоятельной), взяла чемодан и отправилась к подруге.

Открывшая дверь Любимова была бодра, весела и... собрана.

– А как же шесть с половиной минут? – удивилась я. У подруги есть свойство опаздывать ровно настолько всегда и всюду.

Катерина Михална призадумалась, затем выдала озаренно:

– Я губы накрасить забыла!

– Ура! – обрадовалась я, так как была консерватором и отхода от традиций не любила. Триста девяносто секунд наблюдала, как она малюет свои пухлые губы, смешивая цвета.

– Так нормально? – наконец отвернулась она от зеркала.

– Отлично. Красавица.

– Спасибо, – порозовела Катька, и мы вышли на улицу.

Автобусом добрались до станции, там сели на электричку (одну из тех, что присоветовала мама). Затем на метро добрались до Северного речного вокзала, где производилась посадка на теплоход «Василий Верещагин».

На досмотр была очередь, поэтому мы имели возможность оглядеть будущих туристов. Наш лайнер был не так давно переоборудован, улучшена планировка кают, в каждой теперь есть санузел, ввиду чего пассажироместимость уменьшилась, а цена возросла. Я предлагала купить что-нибудь подешевле, зато кататься подольше, но Катька была непреклонна. Она сказала что-то вроде «с голодранцами путешествовать – себя не уважать» и выбрала самый дорогой теплоход. Для чего ей это – ума не приложу, хотя я знаю подругу четырнадцать лет и могу заверить: она любит пускать пыль в глаза. Может купить в переходе цепочку за двести рублей и будет утверждать, что она золотая. Может купить на рынке кофту с надписью Dolce &

Gabbana и будет клясться коллегам, что ей тетя прислала из римского бутика. Однако меня она не обманывает. Да и вообще обманом такую дезинформацию не считает, как она сама говорит: «Это чтоб завистницы лопнули. Разве не благое дело?» Если я возражаю: «Неужели ты общаешься только с завистниками? А хорошие люди тебя совсем не окружают?», она логично кроет: «А хорошие люди будут за меня радоваться, что я ношу качественные вещи. Чувство радости продлевает жизнь. Продлевать хорошим людям жизнь – разве не благое дело?» Вот такая у меня подруга. С ней не поспоришь. Так что «Верещагин» был избран, как я полагаю, для престижа. Чтоб потом в любой диалог можно было вставить: «Да-да, когда я плавала на „Верещагине“, у нас тоже был случай...» – и т. д. Как следует из буклета, здесь всего пять более-менее дешевых кают, и удивительно, как мы успели за такой короткий срок забронировать одну из них. Правда, менеджер что-то такое говорила по поводу отказников. У кого-то кто-то заболел. Короче, повезло. В смысле, нам, не им. А остальные записывались в этот круиз за много месяцев. Помимо кают класса стандарт, расположенных на нижней палубе, есть еще тридцать полулюксов на главной, средней (она же прогулочная) и шлюпочной палубах и один двухуровневый люкс. Менеджер намекала, что с нами поплывет знаменитость, но имя не уточнила: люксом занимается исключительно директор круиза, так что она вроде как сама не в курсе. В итоге на досмотре я вертела головой, пытаюсь вычленить эту «звезду», но она хамелеонски сливалась с прочей кучей важных, дорого одетых лиц. Все дамы были увешаны драгоценностями. М-да, этим людям подруга явно не сможет втирать про свое «золото» и «дольче».

Когда подошла наша очередь, Любимова покатила чемодан на колесиках вперед, так как обожала все делать первой, но тут случился казус: чемодан налетел о камень, подпрыгнул, от этого распахнулся какой-то кармашек, и оттуда высыпалось все мелкое содержимое прямо на землю. Катька запальчиво произнесла первую букву ругательного слова, но, быстро осмотревшись, прикусила язык. Какой-то господин отделился от толпы и бросился спасать мою подругу. Ну, точнее, не бросился, а чинно пошел. Просто глагол «броситься» стилистически удачно сочетается с глаголом «спасать». Или это уже штамп? Ну тогда правильно – пошел спасать. Почему я назвала его по-старомодному «господином»? Не могу точно ответить. Наверно, вследствие его презентабельности. Опрятный гладкий костюм, светлая однотонная рубашка с галстуком, небольшие залысины на лбу. Черные волосы зачесаны назад. Кстати, залысины его совсем не портили. Наоборот, добавляли облику мудрости и духовно-интеллектуальной зрелости. Видя, как он помогает Кате собирать вещи и чинить застежку, я прошла вперед, чтобы не создавать затора. А то еще пассажиры начнут ругаться: русские ждать не любят и не умеют.

Скоро мы оказались на главной палубе, попав сразу на ресепшен. За красивой дугообразной стойкой находились сразу три девушки, поэтому регистрация пассажиров прошла очень быстро. Нам выдали ключ от каюты на нижней палубе, один из матросов вызвался провожать. Спустившись по лестнице и пройдя по коридору, мы попали в номер. Две узкие кровати, между ними иллюминатор, под которым расположился стол и два стула по бокам. Стены кремового цвета, шторы и покрывала ярко-синего. На столике белая вазочка с искусственными васильками. Что ж, удачный подбор аксессуаров. Габаритами каюта не блещет, однако здесь есть уют, необходимые для выживания вещи (тумба, стулья, стол, шкаф для одежды, бра, мини-холодильник) и вычищенный до блеска санузел почему-то оранжевого цвета. Об этом удивительном моменте я узнала от вышедшей оттуда подруги, которая, пыша довольствием, заявила:

– Вау! Там все оранжевое!

– Да ладно, – не поверив, я заглянула в уборную и лично убедилась. Действительно, кафель, шторка, коврик и даже седушка унитаза напоминали апельсин.

Удовлетворенные своей каютой, мы уселись на кроватях друг против друга.

– До половины шестого десять минут, – изрекла Катерина, глядя на наручные часы – серебряные с фианитами, которые она, разумеется, выдавала за бриллианты. – Начнем чемоданы разбирать или пойдём на палубу?

В семнадцать тридцать начинается официальная часть. Знакомство с командой, с теплоходом, торжественный тост за удачное плавание и отпускание в небо воздушных шаров. После чего судно отправляется в путь.

– А нам обязательно там присутствовать? – сморщилась я. – Ты же знаешь, я не люблю толпу, особенно если она радуется и пьет алкоголь, а ты не любишь всякое ребячество и мещанство.

– Мещанство следует отличать от традиций, – назидательно ответила подруга.

– Ты же не любишь традиции. Сама говорила, что это скучно.

– Ну и что. Зато к людям присмотримся. Нам с ними плыть больше недели.

Тут в мою светловолосую голову неожиданно пришла ошеломляющая догадка:

– К людям или к конкретному человеку?

Любимова неправдоподобно передала лицом удивление, переспросила:

– Не поняла? – но зарумянившиеся щеки подтвердили, что я права.

– Не обращай внимания, – отмахнулась я, – мне показалось.

Тут по радио объявили, что всех нас ждут на корме солнечной палубы. Кивнув друг другу, мы заперли каюту и отправились наверх.

На солнечной, самой верхней, палубе находился конференц-зал и солярий. Пассажирских кают здесь не было. На корме толпились люди. Кто-то занял место на стульях, которых было немного (зато в углу стояла груда установленных друг на друга пластиковых лежаков), кто-то держал в руках воздушный шар и, опираясь на перила, рассматривал прохожих на берегу, остальные сновали туда-сюда.

Посреди свободного пространства стоял молодой, ярко одетый парень с микрофоном в руках. Он нес ободряющую чушь и умолял тех, кто только пришел, пройти в крытый зал взять шарик. Сначала мы стояли не шевелясь, но вскоре парень обратил свой призыв именно нам. Мы действительно выделялись. Все-таки молодых девушек на теплоходе собралось довольно мало, основная масса – зрелые дяди и тети. А из девушек, как нескромно бы это ни звучало, мы были самыми красивыми и стройными. Любимова уж точно.

Мы переглянулись под взглядом человека с микрофоном. Катька печально-препечально вздохнула, как будто ее заставляют сидеть с чужими непослушными детьми, пока их родители собираются вовсю веселиться в каком-нибудь баре, и твердой походкой направилась в конференц-зал. Вход в него был здесь же. Я последовала за ней, навстречу нам попадались люди, также внявшие просьбе.

На фоне светлого потолка тусовались разноцветные шарики. Катька выбрала красный, я сиреневый, но, когда мы выходили, я столкнулась в узком проходе с одним парнем, в итоге... бух! Любимова, шедшая впереди, слегка вздрогнула и обернулась, чтобы проверить, что произошло, а я вскрикнула от резкого звука, после чего расстроилась: красивого оттенка шарик скончался практически у меня на руках, не успев выполнить своей романтической функции. Парень кинулся извиняться, притом делал это так искусно, что заставил пару раз рассмеяться. Вот есть такая порода мужчин, они считают, что путь к сердцу женщины лежит через шутки-прибаутки. К их чести стоит добавить, что ошибаются они редко. К людям, которые заставляют смеяться, нас, безусловно, тянет. Только возможны ли длительные отношения с такими? Когда не знаешь, что он выкинет в следующую минуту? Разве такие мужчины надежны?

Через секунду я уже стыдилась своих скороспелых выводов. Если человек шутит, возможно, он ощущает неловкость, и это вовсе не говорит о его легкомыслии и ветрености. Засим я к парню стала присматриваться. Темноволосый, симпатичный, зеленые глаза. Хорошая фигура. Прядь темно-коричневых волос падает на лицо, что почему-то задевает некие струны души. Возникает стойкое шизоидное желание поправить эту прядь, определив ее за ухо, при этом провести ладонью по щеке... Бред. Откуда у меня такие мысли? Я впервые его вижу.

Парень назвался Максимом. Я, в свой черед, тоже представилась. Макс достал мне другой шарик, но тот был не такого цвета.

– Что, именно сиреневый нужен? – Я подтвердила. – Че, серьезно? – хохотнул он. – А ты знаешь, что этот цвет предпочитают непостоянные женщины?

– Да ладно! – не поверила я. – Совсем на меня не похоже.

– Тогда бери другой. Вот синенький, вот зелененький, – перебирал парень веревочки висящих у потолка шаров. – Подожди, ты ж блондинка? Тебе розовенький нужен!

Я захихикала.

– Я такой искала, их, к сожалению, нет!

– Ну хорошо, тогда красный... Желтый... Оранжевый... Все, остальные повторяются. Но скоро и их не останется, – кивнул он на входящих пассажиров, которые явно пришли сюда не от дождя прятаться. Они пришли за шарами. А погода, кстати, была прелестная, солнечная. Самый конец апреля, но будто июль. – Так что выбирай из оставшихся.

Я шутливо надула губки.

– Ладно, давай зеленый.

Он взял два зеленых, для себя и для меня. Мы вышли на палубу. Катька всю вертела головой: меня потеряла.

– А, вот ты где. Чего так долго? – Дала косяка на парня, который проводил меня до нее и пошел дальше, к своей компании. К своему удовольствию я заметила, что она состояла целиком из ребят. Девушек не было.

– Шарик выбирали.

– Ну-ну, – насмешливо хихикнула та.

– Нашла того достопочтенного господина? – назло спросила я, так как Любимова, кажется, просекла, что мне понравился Макс. Иначе зачем ей так противно-приторно ухмыляться?

Улыбка тут же сползла с ее лица.

– Кого?

– Который с чемоданом помогал.

– А. Нет, – резко качнула она головой. – Но я и не высматривала его, – быстро добавила Катя, словно чего-то испугавшись. – Может, он и стоит где-то здесь. В толпе.

Я кивнула, хотя внутренне была не согласна. Этот человек не был похож на тех, кто «стоит в толпе». Такие обязательно из нее выделяются. Специально или нет – поди разбери. Но мужик явно был не прост.

– Итак, у всех есть шарик? Можно начинать? – спросил тамада у зала. Или кем он там был. Кстати, у него в руках у самого наличествовал воздушный эллипсоид... сиреневого цвета. – Дорогие пассажиры теплохода «Василий Верещагин»...

– Стойте! – крикнул кто-то из толпы.

С удивлением и ужасом я узнала Максима. Что он задумал?

Парень, ничуть не боясь показаться странным, подлетел к ведущему и предложил ему обменяться шариками. Благо, тот привык руководствоваться принципом «клиент всегда прав» и уступил ему сиреневый предмет. Максим тут же подбежал ко мне и забрал мой зеленый, отдав свой желанного мною цвета.

– Спасибо, – пискнула я как можно тише. На нас и так уже все смотрели!

У Катьки отвалилась челюсть. Но на этом мои мучения не закончились. При всех семидесяти туристах и двадцати членах экипажа парень-тамада громко произнес в микрофон:

– Какой рыцарский поступок. Достоинно аплодисментов!

Все дружно захлопали. Даже Любимова! Которая успела прийти в себя и снова начала нагло ухмыляться.

Слава богу, позор завершился. Ведущий представил нам экипаж, мы опять хлопали. Капитан предложил всем запасть шампанским. Наполненные бокалы стояли в центре на торжественно наряженном в белую скатерть столе. Впрочем, многие уже успели вкусить напиток и без разрешения величайшей особы и чувствовали себя превосходно. Кто-то даже пытался петь.

После Вадим Михайлович – капитан – сказал короткий традиционный тост:

– За удачное путешествие! Будьте здоровы! – и поднял свой бокал с минеральной водой, предлагая всем близстоящим с ним чокнуться и, как мне кажется, не отрывая глаз при этом от Любимовой.

Мы с подругой от алкоголя отказались. Я вообще никогда не пью, Катерина последнее время тоже все чаще прикидывается трезвенницей. Неужели мое влияние?

– А теперь, – подключился ведущий, тоже глотнувший шампанского, – отпускаем шары на счет три. Раз... Два... Три!

– Ура! – закричали все.

Разноцветные шары взлетели над землей и отправились в небо. Путешествие началось. И в тот момент мы совершенно не подозревали, насколько опасным оно окажется.

Катя

– О боже, это вы? – пропищал кто-то у меня за спиной.

Я с легким интересом обернулась. Какая-то девушка, чуть старше нас с Юлькой, подавалась к женщине, чье лицо было мне очень знакомо. Девушка выражала такое испепеляющее раболепие, что мне стало тошно. Нужно уметь держать свои чувства в узде. И потом, знаменитостей тоже надо понять. Став известным, в первые месяцы, возможно, приятно раздавать направо-налево автографы и слушать пылкие фанатские признания. Но когда тебе за шестьдесят, и тридцать лет из них ты находишься в зените славы... Ну можно хотя бы на недельку в отпуск съездить без приключений? Начинаешь понимать стремную на первый взгляд блажь снять каюту, открывающуюся по отпечатку пальца. Когда менеджер фирмы рассказывала нам с Образцовой об этом, я сперва недоумевала. А ведь «звезды» правы, как я вижу теперь. Так каждый повадится в гости ходить, а то и в постель нырнет – ключ стащить не проблема. Ну к этой в кровать, конечно, не запрыгнут, возраст не тот... Хотя... Господи, как же фамилия этой актрисы?.. Что-то я совсем плохая стала. Да и к российскому кинематографу особой страсти не питаю.

– Александра Неваляшина? – продолжила девушка.

«Точно!» – вспомнила я благодаря этой подсказке.

– Да, я, – сухо ответила женщина. Ну вот, ее реакция подтверждает верность моих мыслей.

– О, меня предупреждали, что вы, возможно, будете здесь, и я купила билет на этот рейс только ради того, чтобы с вами встретиться! – И понеслась... Я так люблю ваши фильмы, я на них воспитана... Дамочка закатывала глазки, но сдерживалась и откровенную грубость не проявляла. Иногда кивала. Затем сослалась на мигрень и убежала в свою каюту, надо полагать, в тот самый тайный, зашифрованный люкс.

– Мечты сбываются, – заметив мой интерес, искренне пролепетала девушка. Видимо, толику омерзения в моем лице она не разглядела, потому стала рассказывать: – Я всегда любила Неваляшину, ее жизненная история еще труднее и запутаннее, чем истории всех ее героинь, поэтому я так мечтала с ней познакомиться лично и поговорить!

– Ну и как? Поговорили? – с легким сарказмом проговорила я, не стараясь скрыть ухмылку.

– Да! – восторженно молвила та, что дало мне пищу для размышлений: эта девушка не умеет различать по мимике и голосу настроение людей, или ей просто все равно? Как бывает все равно до сумасшествия влюбленным, которые вешаются на шею своему единственному и предпочитают не замечать, что он втайне с друзьями посмеивается над таким явным проявлением своих чувств, которые до поры до времени вообще-то нужно скрывать. А они знай себе шлют любовные послания, лезут обниматься и целоваться на людях, понимают, что избраннику от этого неловко, но ничего не могут с собой поделать. Он их отталкивает, а они лезут вновь.

Пассажирка «Верещагина» была, как я уже говорила, молода; блеклые темно-серые, никогда не знавшие краски волосы были собраны в жидкий хвост; нос был чуть крупноват, но на этом недостатки внешности заканчивались, и в целом девушку, хоть и с натяжкой, можно было назвать симпатичной. Или хотя бы неплохой.

– Меня зовут Вероника, – представилась она. – Я здесь с сестрами.

– Как? – пробубнила я удивленно.

Две клуши, сопровождавшие новую знакомую, ходили больше на маму и тетю. Обе были одеты во что-то темное, длинное, бесформенное, словно монашки или жительницы приюта, вынужденные наряжаться в то, что принесут добрые самаритяне. Что и говорить, статус симпатичной достался только младшенькой. Лица сестер были угрюмы и некрасивы. Воз-

можно, в связи с облачением, ибо, как гласит народная мудрость, женщину красит одежда. Ну и наоборот бывает...

– Да. – Вероника хихикнула. – Я на самом деле старше, чем кажусь. Мне уже двадцать девять. Богдане тридцать восемь, а Варваре сорок шесть.

Я снова глянула на сестер и не смогла разобрать, кто из них кто. Обе выглядели старше названных чисел.

– А я Катя. Моя подруга – Юлия, – я кивнула в сторону Образцовой, которая при разговоре не присутствовала: она пошла к тому парню благодарить за шарик. Странное дело, что она его не прибила. Он заставил весь теплоход обратить на нее внимание, чего Юлия Сергеевна категорически не уважает. Сперва, как я думаю, она все же хотела прибегнуть к душегубству: это читалось на ее лице. Но время прошло, подруга успокоилась и сотворила акт вежливости: подошла к четырем парням, стоящим чуть в стороне ото всех, и о чем-то с одним из них сейчас разговаривает.

– Вы в какой каюте? – поинтересовалась Ника.

– 102, нижняя палуба.

– О, значит, мы соседи. 103.

Микрофон вновь взял парень-ведущий и «обрадовал»:

– Сейчас предлагаю немножко поиграть! Путешествие предстоит долгое, неплохо бы нам допить шампанское и начать знакомство друг с другом. Ничто так не сближает, как групповые игры! Я попрошу матросов поставить в круг шесть стульев и наладить звуковое сопровождение. Пока они это делают, напоминаю, что участие в играх – по желанию. Можно просто смотреть и веселиться вместе со всеми. А можно отдохнуть перед ужином, который подадут ровно в восемь, в ресторан «Атлантика», который находится на главной палубе.

Юлька как раз вернулась ко мне. Вовремя, однако. Наверно, в этом виноваты роковые слова «групповые игры». Просто стоять в толпе людей она еще может, хоть и некомфортно себя чувствует, а вот выставить себя душой на весь теплоход – это выше ее сил. Да и у меня нет на то настроения.

– Вы уходите? – очень удивилась Вероника.

– Да.

Я наскоро представила девушек друг другу, после чего мы с Образцовой вернулись в каюту, где тут же стали распаковывать вещи.

За пятнадцать минут до ужина нам напомнили о нем посредством радио. Я надела кофту с надписью «Dolce amp; Gabbana», Образцова почему-то хмыкнула. Ой, а сама-то! То как серая мышь одевается, что в толпе не разглядишь (хотя она этого, поди, и добивается), то как семилетка с какими-нибудь котятами на футболке, утятами и опять же мышатами. Короче, я в ответ улыбнулась коброй, мы заперли каюту и отправились на ужин.

Столик был на четверых, поэтому к нам через полминуты присоединились двое: какая-то барышня средних лет и тот мужчина, что помог мне с чемоданом. Мы сидели с подругой друг напротив друга, поэтому к Юльке сел тот, кого она называет отчего-то «господином», а ко мне ярко размалеванная женщина. Судя по всему, сотрапезник ей понравился, потому что она прыгнула ко мне в следующую секунду, как только мужчина сел на стул. Догадываюсь, чтобы успеть первой занять выгодную позицию и весь ужин лицезреть его. Иной причины для объяснения такой торопливости нет – вокруг оставалось много свободных мест.

Юлия отодвинулась от мужчины настолько, насколько позволяла вежливость, и уставилась на меня извиняющимися глазами. Ну что за бред? Она с чего-то решила, что я втюрилась в этого мужика, и теперь боится моей ревности. Я досадливо покачала головой, мол, не ерунди. Но Образцова покраснела и попыталась еще дальше отставить стул, видимо, поняла меня неправильно.

– Как ваш двухколесный друг? – спросил он меня, запихивая край салфетки за ворот рубашки. Пиджака за это время он лишился, наверно, оставил в каюте: в зале было тепло.

– О, он прекрасно себя чувствует, спасибо.

Мужчина улыбнулся.

Подошел официант и начал расставлять тарелки. Юлька услужливо помогала. «Господин» смотрел на эти действия как на что-то сверхзабавное и умилительное.

Я уткнулась в рис с отбивной, но не успела и пару раз двинуть столовыми приборами, как он снова подал голос:

– Меня зовут Владлен Сергеевич.

Так как он обращался вроде бы ко мне, я не спеша прожевала и ответила:

– Екатерина, – но перед этим дама слева успела назвать свое имя, лучась радостью. Очевидно, решила, что сотрапезник хочет познакомиться абсолютно со всеми, кто сидит с ним за одним столом.

– А вы один путешествуете? – пристала тетя (я не потрудилась запомнить ее имя) к кавалеру. Ну какая же она бестолковая... Такие мужики себе ровесниц не выбирают в любовницы. А в жены не выбирают никого. Как можно тратить нервы и душевные силы на такого? И как Юлька могла подумать, что я именно этим и собираюсь заняться в ближайшие дни? Отнюдь. Мне дорого и то и другое. Просто Образцова так и не научилась разбираться в людях. Особенно в мужчинах. А я поняла с первого взгляда: к такому сунешься раз – и не выпутаешься никогда. Он как болото с трясинной. В таких нельзя не то что влюбляться – находиться рядом, даже это может быть опасно.

– Да, – коротко ответил он и вновь обратил ко мне свой взгляд. Но молчал. Я же ела, мечтая не подавиться.

Юлька тоже принялась за еду.

– Я вот тоже одна. После развода решила съездить куда-нибудь. Развеемся, так сказать, – тетя глупо засмеялась. Владлен ничего не ответил.

Официант пришел за тарелками и приборами. Тут же подошла девушка с подносом, на котором возвышались пирожные и дымящиеся чашки чая. Парень сделал резкое движение рукой, забирая последний прибор и не заметив коллегу, в итоге из чашек вылился кипяток на поднос и скатерть.

– Ой, – пискнула она испуганно. Официант тихо извинился и пошел на кухню, а девица продолжала стоять в растерянности.

– Ну что вы замерли? – недовольно произнес Владлен Сергеевич. – Уберите это. Я привык класть локти на стол, вы же не хотите, чтобы они были мокрыми?

Несмотря на то, что он не повысил голос, на девушку эти слова произвели неизгладимое впечатление. Она что-то залепетала, путаясь в слогах, затем резвой ланью куда-то убежала вместе с подносом. Уже через две минуты сервировка нашего стола была полностью обновлена: скатерть, салфетки, чашки с чаем, пирожные. Все выглядело безупречно.

– Браво, – ядовито улыбаясь, сказала я, как бы резюмируя увиденное.

Мужчина слегка поклонился, признавая свою заслугу в этом.

– Владлен Сергеевич, – вновь подала голос пассажирка лайнера, – скажите, пожалуйста, чем вы занимаетесь? Очень интересно.

– Я занимаюсь бизнесом, – неохотно отозвался он. – Моя фирма не настолько велика, чтобы о ней говорить.

– О, вы бизнесмен! – проворковала безмозглая. Похоже, она только первую фразу и слышала. А зря. Если мужчина не рассказывает тебе в подробностях о своих успехах, значит, он либо врет и никаких успехов у него нет, либо ты ему хуже, чем безразлична. Противна. Владлен Сергеевич производил впечатление именно успешного человека. Часы, по-видимому, золотые. Костюм не из дешевых. И отказался он говорить явно не из кокетства или желания казаться

таинственным, вызывая чужой интерес. Значит, второй вариант. Противна. Хоть в чем-то мы с ним сходимся.

– Екатерина, расскажите любопытствующему, что же такого увесистого вы напихали в свой чемодан, что он сломался еще на подступах к лайнеру?

Я хихикнула:

– Платьев. Много.

– Горячо надеюсь, что увижу вас в одном из них на сегодняшнем вечере.

– А что за вечер планируется?

– Как? – приподнял он бровь. – Вы не слышали? После ужина будет шоу.

В подтверждение его слов по радио объявили: «В двадцать один ноль-ноль ждем всех пассажиров в конференц-зале. Три великих экстрасенса страны дают сегодня выступление персонально для пассажиров „Василия Верещагина“! Приходите, будет интересно!»

– Ах, ну да... – вспомнила я Пашины предупреждения.

Соседка слева вновь активизировалась:

– Скажите, Владлен... можно вас так называть?.. А как ваша фамилия? Может, я слышала ее?

– Моя фамилия Громов, но вряд ли вы слышали обо мне. – Ответив, он отпил из чашки. Взял пирожное.

– Ну, я в такой среде верчусь... Я многих бизнесменов знаю. На этом теплоходе плывут Верстаков и Павлов. Тот Павлов, что программное обеспечение создал для офисов. Теперь все организации с этой программой работают. Я могу вас свести.

– Спасибо, но я уже давно обзавелся всеми необходимыми мне связями.

Мы немного помолчали. Доев и вытерев губы белоснежной салфеткой, Владлен посмотрел на Юльку и произнес, обращаясь ко мне:

– Ваша подруга немая?

Внезапно это невинное предположение произвело эффект разорвавшейся бомбы.

– Да что это такое все время!! – завопила всегда уравновешенная Образцова, вскочила и, схватив со стола ключ, покинула нас.

– Что я такого сделал? – только и моргал тем временем господин Громов.

– Понятия не имею, – изумленно развела я руками. – Первый раз с ней такое. Кажется, вы на нее плохо влияете.

– Я и смотрю, она все отодвигается от меня, отодвигается... Я что, так отталкиваю действующую на женщин?

– Что вы, конечно, нет! – облизнула губы сотрапезница. Тот, кого это касалось, пошлый флирт проигнорировал. А я лишь пожала плечами.

На этом ужин закончился. Мы медленно поднялись и разошлись по номерам.

– Что это ты такое устроила в ресторане? – прилепилась я к подруге, вернувшись и застав ее за чтением книги.

– Да почему каждый незнакомец почитает своим долгом задеть меня? Я никому ничего плохого не сделала за всю свою жизнь!

– Поясни? – нахмурилась я. На это Образцова выдала трогательную историю под названием «Меня обидела продавщица». Так продолжительно я не смеялась ни разу за последние пару месяцев... Юлька била меня подушкой, но все было впустую: я никак не могла перестать. Наконец, утерев слезы, попросила: – Юль, не будь такой мнительной. Может, она вообще не это имела в виду?

– Как же! Иначе это никак нельзя трактовать. «Неужто она у вас говорящая?» – как-то так было сказано. Или: «Она еще и говорить умеет?»

– Ты наверняка преувеличиваешь.

– Ничего подобного. Спроси у моей мамы.

– Окей.

Образцова решила сменить тему:

– Пойдем на экстрасенсов?

Я сморщилась.

– Не знаю даже. Не верю я в это.

– Не понравится – встанем и уйдем.

– Тоже верно, – не могла я не согласиться.

Конференц-зал, откуда мы брали в прошлый раз шарик, представлял собой большое помещение с многочисленными высокими окнами. Возле входа была сцена, дальше – сплошные ряды стульев. Номеров на них не было, они даже не были скреплены, как в кинотеатрах, но стояли к чести персонала ровно. Мы прошли в середину зала, точнее, чуть ближе к концу и сели почти с краю. Остальные места были заняты, не считая тех, что еще дальше от сцены. Справа была Юлька, а слева три сестры, которые пришли раньше и уже сидели. Сработал рефлекс – я узрела знакомое приятное лицо и пристроилась поблизости. Ника вежливо мне кивнула, но донимать разговорами не стала, за что ей отдельное спасибо. Еще одной лекции про Неваляшину я не вынесу.

Ведущий представил первого экстрасенса. Его звали Харитон. Он клялся, что умеет читать мысли. Но на слово ему никто верить не собирался. Тогда экстрасенс вызвал из зала одну женщину на сцену и посадил на приготовленный стул.

– Я угадаю номер вашего телефона! Вот два листка бумаги. На одном вы пишете свой номер. На втором напишу я. А потом их сверим.

Женщина написала, листок спрятали. Харитон немного поколдовал, побил в бубен и номер в итоге угадал. Ага, нашли дураков! Это его бывшая одноклассница была? Или жена? Фуфло.

Второй горделиво заявил, что может управлять огнем. Такое вытворял с факелами, что мама не горюй... Чуть теплоход не поджег.

Ну а третья, назвавшаяся ни много ни мало Эвелиной, утверждала, что обладает врожденным даром гипноза. Вновь был вызван на сцену испытуемый из зала. Его усадили, Эвелина, обладавшая внешностью не ведьмы, а скорее великовозрастной проститутки и по совместительству цыганки-переростка, стала что-то шептать за его спиной. Наконец она подняла правую руку, сидящий через пару мгновений повторил ее жест, хотя видеть ее никак не мог. Не мог ли? Я обернулась. Зеркала не было. К тому же, у него закрыты глаза, и он вроде как под гипнозом. Опять подставной. Короче, прав был Павел: куклы вуду и пляски у костра... А я еще их серьезными людьми считала...

Не одна я так решила. На этой пятидесятой минуте спектакля, учиненного фокусниками, а никакими не экстрасенсами, наши три соседки слева поднялись и куда-то удалились. Проводив их глазами, я устала сидеть на пустых сиденьях, а затем... Затем увидела его. Он сидел через три места, которые занимали сестры. Это был Громов. Но меня он явно не замечал, настолько сосредоточенно следил за тем, что творилось на сцене. Однако его взгляд не излучал ни малейшего интереса. Он пылал... ненавистью. Я пару раз моргнула, чтобы проверить, не показалось ли мне. Можно смеяться над этими людьми, можно даже негодовать по поводу потерянного времени, но... Как правильно сказала Юлька, можно же встать и уйти. Денег за вход никто не брал, на теплоходе все бесплатно, all inclusive. Откуда такая ненависть? Зачем такая злость? Еле слышно, практически одними губами, а не голосом Владлен Сергеевич презрительно прошептал:

– Клоуны.

В этот момент в зал влетела чайка. Так как сцена была ближе всего к выходу, что я отметила выше, птица попала сперва туда. Эвелина закричала и начала махать руками. Странно,

что герой программы эти жесты уже не повторял. Не успел выучить? Не знаком с импровизацией? Очень возможно.

– Уберите это! Уберите! Охрана! – орала рослая полная женщина, маша руками и трясая всеми блестящими аксессуарами, надетыми на нее. Что и говорить, их было много. Одних бус из крупных золоченых колечек наберется с пятнадцать.

Кто-то особо остроумный заорал в ответ из зала:

– А вы загнипотируйте ее! – и заржал. Многие тоже засмеялись. Значит, не одна я излишней доверчивостью не страдаю. Приятно, что дураков не много. Кстати, а как там моя подруга?

Только я наклонилась к ней, чтобы спросить, нравится ли ей шоу, как эта дикая птица, отстав от выступающей, полетела в центр зала и замерла прямо над нами. Я даже от шока забыла, что хотела сказать, и замерла с открытым ртом. Юлька тоже не шевелилась. Наконец чайка издала ужасающий вопль и упала прямо ко мне на колени. Я немедленно вскочила, и трупик угодил мне под ноги. Кто-то совсем рядом взвизгнул, а Юлька закричала:

– Бедненькая!

– Ты про меня или про птицу? – глядя на белое недвижимое тельце, запричитала я чуть дрогнувшим голосом. Не скажу, что я неженка, мне и людские трупы часто доводилось видеть в жизни, но, во-первых, пернатые с самого детства отчего-то вызывали во мне чувства, весьма далекие от признанных, а во-вторых, сказала сама ситуация. Уж очень редко на меня пикируют мертвые чайки.

– Про птичку, конечно!

Юлька приготовилась плакать, а вот меня жалеть почему-то никому не приходило в голову. Я так и стояла, не в силах двинуться с места.

Разумеется, и здесь господин Громов не сплеховал. Отдал пару команд матросам, и во мгновение ока труп убрали. Притом так, что птица не задела меня ни одним пером. Отдышавшись, я глянула влево, чтобы поблагодарить неоднократного спасителя, однако того уже и след простыл.

Эвелина наотрез отказалась продолжать выступление, на этом треклятый концерт завершился.

По дороге на нижнюю палубу я передала Юльке разговор с Пашей. Подруга приняла мою сторону.

– То есть он накинулся на тебя лишь за то, что ты на восемь дней выводишь меня из города? И за то, что ты уплываешь от Женьки, который после двух лет крепких отношений так жестоко предал тебя?

– Да-да! – закивала я, обрадовавшись. Меня поняли!

– Самойлов спятил, не иначе. Он вообще несколько месяцев не звонил, так при чем тут мой отъезд?

– Как несколько месяцев? – выпучила я глаза. – А как же день рождения?

– Только эсэмэску послал. И все. Но не звал никуда.

– Но, может, он планировал для тебя что-то особенное? Как-то отметить хотел, а тут я!

– Ну да, – фыркнула подруга. – Что он мог мне готовить? К тому же день рождения был двадцать первого, а сегодня уже тридцатое. Что-то тормозит твой Паша.

– Паша не мой, – хихикнула я, доставая из кармана ключ, так как мы уже сошли с лестницы и направились по коридору к своей каюте. – И он всегда тормозит.

– Кроме тех случаев, когда бывает больно шустр.

– Да, именно в такую фазу он мне выдал про этих экстрасенсов!

– Что выдал?

В номере я достала из чемодана скрепленные листы и передала Образцовой.

– Он полгода шерстил их форум. Аргументировал тем, что и сам ясновидящий. – Юлька покатила от хохота. – Да-да. Сказал, что видит вещие сны. Так или иначе, но съезд экстрасенсов планировался здесь заранее. Паша отговаривал плыть. А я еще с ним спорила. Я ж не знала, что они такие... клоуны.

Сказав последнее слово, я призадумалась, вспоминая лицо Громова, а Юля, начав перелистывать трактат, возразила:

– И что, что спорила? Правильно делала. Подумаешь, три экстрасенса-неудачника со своими ассистентами. Максимальный ущерб – это то, что лайнер чуть не сгорел дотла. Больше этого кренделя до спичек не допустят, вот и все. Можем плыть спокойно.

– Ура! Образцова наконец-то научилась различать обманщиков и перестала верить людям на слово. Что с тобой?

– Старею, – хмыкнула та весело и углубилась в чтение сообщений форума.

Я достала плеер и стала слушать музыку. Через некоторое время предложила подружке сходить на разведку в бар. Там обещали устраивать каждую ночь дискотеку. Но Юля сморщилась, скинула бумажки на тумбу и, глядя на часы, сообщила:

– Двенадцатый час. Давай спать. А в бар можно и завтра.

– Окей.

Я проснулась от шума. Кто-то совсем рядом взрывал петарды. Странно, обычно фейерверк устраивают в ночь с первого на второе, а не в предыдущую. С другой стороны, по календарю уже Первомай, чего ждать? Я встала с намерением посетить мандариновый санузел, но вместо этого накинула шелковый халатик и вышла из каюты. Даже не знаю, что это было. Любопытство? Какие-то подозрения? Интуиция?

Короче, я поднялась наверх. Немного понаблюдала, как с кормы шлюпочной палубы пускают фейерверк и орут пьяные сборища, и решила вернуться. Проходя мимо каюты с номером 101, я услышала голоса. Взрывы наверху стали затихать, между ними я отчетливо различила слово «чайка», потому затаилась. Голоса были мужскими.

– Может, не Горгон, а Горгона? – предположил один до ужаса серьезным тоном. Что за бред вообще? – Как и было первоначально. Медуза Горгона. Она же женщина!

– Нет, – отрезал второй незнакомец. – Горгон мужик!

– Хорошо. А помнишь вот это? – По-видимому, первый начал что-то декламировать, потому беру в кавычки: – «И белое падет к ногам. И живое станет мертвым. Ибо ангелы крылатые, что падают, предвещают смерть».

– Хочешь сказать, что белый крылатый ангел – это чайка?

Тут я невольно ахнула, потому как выходило, что труп чайки повлечет за собой новые смерти.

Стоп. Я что, схожу с ума? Подслушиваю под дверью каких-то психованных ребят, всерьез рассуждающих, что чайка является ангелом и вроде каким-то знаком. Может, они фильм какой-нибудь обсуждают, а я тут придумала себе...

К сожалению, мое междометие кто-то услышал.

– Там кто-то есть! – испуганно выдал первый.

– Иди проверь!

Я максимально тихо, но все же быстро добралась до каюты и притворила дверь за секунду до того, как открылась интересная комната. Чуть постояв, прислонившись, я услышала:

– Тут никого нет!

– О боже, это был Горгон! – очевидно, второй тоже вышел, потому что слышался так же хорошо.

– Не знаю. Может, показалось? Пошли спать.

Хлопок – закрылась дверь. Я задышала свободнее и вернулась в постель, забыв посетить уборную.

Юля

– Здесь что-то происходит!

Я в изумлении уставилась в зеркало.

– Прав был Паша, здесь что-то нечисто!

Я медленно выплюнула зубную пасту, прополоскала рот, отложила зубную щетку, умылась, только потом, воззрившись вновь в зеркало, негромко произнесла свои первые за сегодняшний день слова:

– Я, кажется, заперла дверь... Или забыла?

– Знаешь, Юля, когда я хочу поговорить с человеком, какие-то замки и щеколды меня не остановят!

– М-да.

Шел одиннадцатый час, и завтрак мы немного проспали. Я пошла умываться первая, так как Любимова продолжала лениво потягиваться в постели с надеждой еще вздремнуть. А теперь она ворвалась в санузел и уселась на крышку унитаза. Не постучала предварительно, не спросила, можно ли войти... Где воспитание у человека? А если бы я была неодета?

Я отвернулась от зеркала, в котором отражалась Любимова, чтобы разглядеть ее без посредников. Каштановые волосы взлохмачены, голубые глаза взирают тревожно и чуть безумно, халатик запахнут наспех, в итоге одна пола выглядывает из-под второй.

– Ты можешь толком сказать? И подступнее, я по утрам плохо соображаю.

– Я вчера подслушала разговор наших соседей слева.

– Сестер?

– Да нет же, они напротив, через проход. У них трехместный номер. А по нашей стороне два двухместных. Там были два парня.

– О боже... Макс?

– Что? Я не знаю.

Я вспомнила вчерашний разговор. После официальной части я решила поблагодарить его за сиреневый шарик, за то, что он не побоялся перед всеми выклянчить его у ведущего. Максим удивился, дескать, что такого. Спросил, где мы остановились. Я назвала номер каюты, Макс сказал, что они четверо тоже расположились на нижней палубе. Занимают три каюты. Я только хотела уточнить, он в одиночной живет или с кем-то, да не успела: тамаде вздумалось начать дурацкие, детские, позорящие взрослых интеллигентных людей игры, и мы с подружкой слиняли с палубы.

– Компания Максима, ну... того парня... короче, они четверо занимают здесь три каюты, – решила я пояснить.

– Четвертую мы, пятую сестры, – подытожила подруга.

– Верно. – Дешевых кают стандартной планировки было всего пять, как уже говорилось. Две двухместные, одна трех-, две одиночные. Так что выходило, что вся нижняя палуба уже успела познакомиться. То есть не между собой, а с нами. Хотя... Может, и между собой тоже, но у нас на глазах сестры и парни не общались ни разу.

– Значит, это либо твой Макс говорил, либо его дружки. Лучше с ним больше не общайся, оптимизма мне услышанное не внушило.

Я горестно вздохнула, опершись на раковину. Та в ответ на сие издала какой-то безысходный треск, но, несмотря на возникшие опасения, продолжала держать оборону.

– Знаешь, Катя, мне и родителей с их наставлениями хватает. Я бы послала тебя, если бы... – И тут я с унылым видом замолчала.

– Если бы тебе так не везло с мужчинами, – закивала понимающая Катька.

– Именно.

– Вот. Так что слушай меня. Я в людях хорошо разбираюсь. Ничего хорошего это общение не принесет.

– Как и тебе общение с *говорящим* Владленом. – Я думала, что Любимова разозлится, но она прыснула. – Что?

– Извини, но то, как ты произнесла слово «говорящий»... Ну забудь уже эту историю!

– Этих историй уже две! – заспорила я. – И они незабываемы! Меня дважды оскорбили незнакомые люди! Я, видите ли, у них неговорящая!

Вторженец замахал руками:

– Мы не об этом говорить начали! У меня нечто действительно серьезное и странное. – Катька покосилась на стену за моей спиной: она была общей с подозрительной, на ее взгляд, каютой. Тогда я пустила воду и примостилась к ней на крышку унитаза. Любимова громким шепотом передала мне ночной разговор. – Как? Горгон? – переспросила я.

– Да, я понимаю, что звучит дико, но так оно и было. Добуквенно.

– Умеешь же ты запоминать! Не то что дословно – добуквенно.

Катька уточнила:

– Не я, это все женщины умеют. Так уж мы устроены.

– Но я-то нет.

– А ты и не женщина. Ты какая-то смесь.

– Ну спасибо! – взбунтовалось все мое нутро. – Я что, гермафродит?

– Да нет, мужского в тебе еще меньше. Я имею в виду смесь ребенка и девушки. Но с возрастом все придет.

– Обижаться и спорить сейчас некогда. А то я забуду, что хотела сказать. Видишь ли, я неспроста переспросила про Горгона. Я это уже где-то встречала.

– Да? – Катькины глаза загорелись каким-то то ли адским, то ли солнечным пламенем.

Она стиснула мою руку. – Ну! Вспоминай! Это важно!

– Для начала давай чаю выпьем. Я ж говорю, я по утрам тугодум.

– Не только по утрам, – обиженно фыркнула Любимова и наконец оставила меня одну.

Нет, она еще и возмущается! А сама сыплет оскорблениями! И врывается без спроса в уборную! Как я ее терплю столько лет?..

Негодую, я вытерлась полотенцем, вышла из помещения и кинулась на поиски пачки чая. Я помню, что мама положила мне его на всякий случай. «Вдруг вы завтрак проспите?» – ну как в воду она глядела.

– Что ищешь? – излучая миролюбие, встряла Катька в мои сумбурные действия. Я уже пятый раз переворачивала чемодан, трясла дамскую сумку и заглядывала под кровать. Однако быстро же она отходит.

– Чай.

– Чай? Можем в бар пойти. Там должно быть. Не только же спиртное подают, в самом деле.

– И чего тебя все тянет в этот бар?

Не успела я закончить фразу, как в номер постучались.

– Рум-сервис? – предположила Катя. – Вроде рано. Мы еще на экскурсию не отправились. Могли бы подождать с уборкой.

– Открой – узнаешь, – пожала я плечами.

– Но я плохо выгляжу! – запоздало спохватилась подруга и предательски скрылась в ванной.

Открывать пришлось мне. Хотя я тоже комплексовала по поводу пижамы, потому распахивать дверь не стала, ограничилась щелочкой.

За порогом стояла молодая девушка в униформе. И не одна – рядом железный двухполочный столик на колесиках.

– Вы пропустили завтрак. Я вам его доставила, – лучезарно улыбаясь, словно на свидании с возлюбленным, сообщила она. На столике были две тарелки с омлетом и сосисками и чай. – Через двадцать минут я приду и увезу посуду, – сказала она, вкатывая столик в каюту. – Приятного аппетита.

Я была так шокирована, что молвила «спасибо», когда ее фигура уже скрылась за дверью. Однако права была подруга, выбирая самый дорогой лайнер. На другом вряд ли бы так заботились о пассажирах.

– Ну кто там? – выползла причесанная и умытая Любимова из санузла.

– Там наш завтрак. Прошу к столу.

– Ого!

Подруга обрадовалась и накинулась на омлет. Я по утрам есть не люблю и осилила только четверть. Засим мы нарядно оделись, накрасились (Катя – все лицо, я – только губы) и вышли в свет. Вчера нам как-то не удалось обследовать наш четырехпалубный, но, по рассказам капитана, чего тут только не было: помимо ресторана, еще два бара, музыкальный салон, библиотека, кинотеатр, сауна, парикмахерская, SPA-салон, что-то еще, о чем я забыла... Ну и концертный зал и солярий, где мы уже были.

– Куда отправимся на променад? – спросила я, поднимаясь по лестнице.

Любимова поправила пушистый подол короткого платья и, пожимая плечами, изрекла:

– Может, по палубам прогуляемся?

Миновав лестницу, мы очутились в фойе с ресепшен. Оно было просторным, стойка находилась ближе к выходу, а от лестницы начиналось место для отдыха или ожидания: удобные мягкие белые кресла, стильный журнальный столик из стекла, на котором много экземпляров разных газет и прочей периодики, почти под потолком большой ЖК-телевизор. Я вчера по прибытии не успела толком разглядеть фойе, а теперь пришлось: в мягких креслах восседала компания Макса. Увидев нас, четверо ребят всколыхнулись и тут же встали, подавшись навстречу. Они что, нас ждали здесь? Но зачем?

Максима я уже описывала, поэтому затрону теперь остальных троих. В эту минуту мы все были представлены друг другу, поэтому начинаю сразу с имен. Никитой был щуплый, невысокий парень с нежным, каким-то даже девичьим лицом. Волосы средней длины были мелированы, так что он казался блондином. Голос его был тоже по-женски высок. В целом Никита был очень симпатичным, единственное, что его портило, – это, на мой взгляд, недостаток мужественности. Вот в Максиме, невзирая на красоту лица, брутальности хватало. Так, я опять на него переключилась... Что ж это такое со мной? Другого нам представили как Руслана. У него были черные, аккуратно подстриженные волосы, смуглое лицо, карие глаза. На этом сходство с южанами заканчивалось, черты лица были славянскими. Вот и гадай: то ли русский, то ли нет. Скорее, смесь. Но, как это зачастую бывает, такие смешанные типы внешности являются очень притягательными. Ребенок, находясь в утробе, из абсолютно непохожих наборов хромосом родителей разных национальностей выбирают себе самое лучшее. Вот и Руслан вышел очень даже... красивым. В итоге только один из четверых новых знакомых из массы ничем не мог выделиться. Долговязый, очкастый, лохматый, тонкогубый. Назван был Костей. Он держался скромно, правда, пару раз произнес несколько таких фраз, по которым сразу можно было навесить на парня ярлык ботаника. Короче, к внешности добавляю, что Константин не только стеснителен, но и умен и эрудирован. Блин, опять соврала! Я сказала, что он не выделяется, но это не так. Ввиду того что парень неразлучен со своей компанией, он бросается в глаза именно из-за роста, когда все четверо стоят. А вот сидя он как раз абсолютно теряется. Итак, вследствие семидесяти пяти процентов красавчиков в группе молодых людей она пользуется у дам повышенным спросом. Это было видно по глазам и по общему оживлению всех лиц противоположного пола, когда они попадались на пути. Отчего же таким парням нас ждать? С другой стороны, как уже было отмечено, девушек на этом круизе отчего-то меньше, и все

они так себе, ну разве что Вероника еще более-менее... Но с такими угрюмыми сестрами ей явно не приходится рассчитывать на мужское внимание. А с персоналом ребята по каким-то причинам, наверно, заигрывать не хотели. Остаемся мы с Катькой.

– Что, решили прогуляться? – поздоровавшись и представив своих друзей, сделал предложение Макс.

– В самую точку, – кивнула Катька. – Мы с Юлькой решили прогуляться. Вдвоем. Всего доброго. – И, схватив меня за руку, подруга повела меня прочь.

Но ребята оказались настырными.

– Подождите, – затараторили они, преграждая нам путь. – Мы как раз вчера тут все исследовали, – сказал один. – Да, и можем устроить вам недорогую экскурсию, – добавил второй. – Бесплатную! – заотрицал третий.

Короче, под таким напором мы сдались и разрешили водить себя туда-сюда по палубам и местным достопримечательностям. Что ж, посмотреть действительно было на что. На нашей палубе все простенько, да и зачем для бедных стараться? А вот оформление других палуб поражало размахом: и уютно, и богато, и стильно. Кругом, куда ни глянь, позолота, лепнина, большие картины и скульптуры под античность. Качественный паркет прикрывали ковровые дорожки с коротким ворсом. Вдоль стен бесконечные диванчики, кресла и столики, в любой момент пути ты можешь решить, что устал, и, даже не утруждая себя высматриванием лежбища, просто резко плюхнуться наугад в том же месте, где стоишь, – обязательно утонешь в комфортном кресле. Здесь всегда думают о нуждах и удобствах пассажиров. Все чистенько, но при этом нет урн, сварливых пожилых уборщиц с капризным «Подвиньтесь, вы мне мыть мешаете» и мельтешения обслуживающего персонала – он только там, где он нужен, где он должен быть. Никакого нарушения приватности и желания побыть в окружении элиты, не видя перед глазами лиц рангом пониже. Странно, как пассажиров дешевой палубы вообще сюда пускают на спонтанную экскурсию.

Первой на нашем пути повстречалась сувенирная лавка. Компания, словно в последний день путешествия, тут же кинулась за памятными подарками. Я решила не отставать и тоже купить что-нибудь для родителей и коллег, правда, все было очень дорого, и пришлось тщательно выбирать, чтобы и не совсем пустяк, и не разориться. Остальные, как мне показалось, были менее разборчивыми, впрочем любопытство – не моя фишка, посему я даже не уследила, кто и что купил, включая мою подругу. Потом парни повели нас по всем палубам, рассказывая, где что находится, что было весьма полезно. Иметь представление о наличествующих услугах – хорошо, но еще лучше знать, в каком краю немало теплохода это расположено. Возле входа в сауну сидела приветливая девушка и предлагала всем записаться на процедуру. Максим с гигантским воодушевлением, неясно откуда взявшись, предложил нам снять целое помещение на шестерых, но поддержки ни с одной стороны не получил. Мы пошли дальше. Возле салона красоты притормозила уже Катерина, но, облизнувшись на цены, вздохнула и надменно поплыла дальше по коридору. К сожалению, не все услуги попадали под inclusive. Прогулка по фешенебельному лайнеру в компании симпатичных молодых людей – это довольно приятное времяпрепровождение, и все же нам хотелось приключений. Парни вняли мольбам новых знакомых и как истинные джентльмены стали гадать, как нас развлечь. Константин привел нас на соревнования по шахматам в комнату для игр, соседствующую с тренажерным залом. Но и от шахмат, и от тренажеров капризная Любимова наотрез отказалась, заявив, что для беговой дорожки у нее неподходящее платье, а в шахматы она играть когда-то умела, но разучилась. Впрочем, в этой же комнате были состязания и по перетягиванию каната, и по настольным теннису и футболу. Подол Катькиного одеяния а-ля Курникова для этого подходил, так что ракетками мы немного поорудовали, удивляясь, как яростные «ах» и «ох» не мешают рефлексирующим шахматистам. Хотя помещение было огромным, и местные каспаровы пребывали за толстой перегородкой. Вскоре беспокойной Любимовой наскучило и это, и она снова при-

стала к сопровождению с просьбой найти ей классное развлечение. Тогда ребята заговорили о капитанской рубке, куда обычно в начале путешествия организывают экскурсию, что, по рассказам побывавших там знакомых, весьма занимательно. Однако на этом лайнере, возможно, такую познавательную забаву нам и не предоставят.

– Как не предоставят?! – загорелась моя легковоспламеняемая подружка. – За что я деньги заплатила? Хочу!

Никита печально вздохнул:

– Не на всех лайнерах открыт доступ в рубку посторонним. А жаль, мы вот тоже мечтали посетить.

– Знаешь, если бы я ждала каждый раз, когда хотела что-то получить, я бы так и осталась вообще без ничего!

Константин поправил очки и с сомнением переспросил:

– Ты что, предлагаешь без спроса вторгнуться во владения капитана?

Завязался легкий спор. Я понимала интерес подружки и так же понимала желание мужчин ей угодить, так как это все-таки они навязались в наш дуэт, но нарушать принятые порядки и, может быть, даже закон мне явно не улыбалось. В итоге, пока Руслан, Костя и Никита вели Катюку брать штурмом капитанскую рубку, мы с Максом уединились на шлюпочной палубе, ближе к корме, возле поручней, под открытым небом. Рядом стояли стулья, но сидеть не хотелось. Хотелось, чтобы ветер колыхал волосы. Хотелось речной свежести. Хотелось видеть, как вода плещется, ударяя о бок теплохода. И как в ней играет солнце.

Максим обернулся ко мне.

– Ты красивая.

Я смутилась и ничего не ответила.

Мы еще немного постояли молча. Затем парень приблизился вплотную и шепнул мне на ушко:

– Ты встречаешься с кем-нибудь? – Я отрицательно покачала головой. – А твоя подружка? – Тут я задумалась. Затем кивнула. Несмотря ни на что, Женька мне нравился, и я надеялась, что они помиряются. – А вы для чего отправились в путешествие?

«Ты задаешь слишком много вопросов!» – так и хотелось ответить мне, но это было бы невежливо. Потому я ограничилась пожатием плеч.

Мимо нас прошла оживленная компания. Они шутили, смеялись и размахивали руками. Я каждый раз вздрагивала от жестов, потому что палуба не была такой широкой, и мне запросто могли угодить в глаз. Видя это, Максим прижал мою голову к своему плечу. Я сначала не брыкалась, но, когда люди ушли, вырвалась.

– Что ты такая дикая? – засмеялся он. – Хочешь, пойдем в мою каюту?

– Не хочу, – нахмурилась я и вознамерилась идти в свою, но была остановлена.

– Что ты, я же пошутил! Остайся. Давай в бар пойдем? – Я подумала немного и кивнула. – Какая ты неразговорчивая! – хихикнул кавалер и, взяв меня за руку, повел в сторону лестницы. Я прыснула, вспомнив два эпизода, и опять кивнула. Странно, но слова продавца и того серьезного господина затронули меня за живое, и на них я разозлилась, а на Максима нет. Но на него, если честно, вообще невозможно было злиться.

Мы спустились на среднюю палубу и направились в бар. По радио объявили, что через пару часов мы приплывем в Калязин и состоится пешая прогулка по городу.

– Вы пойдете на экскурсию? – услышав это сообщение, любопытствовал Макс, усаживая меня на высокий стул возле одного из круглых черных столиков бара. Всего их было десять, а заняты оказались только два. Зато стойка бара была сплошь заселена, в основном мужским полом.

– А как же? Мы для этого и приехали.

– Хочешь сказать, приплыли? – хмыкнул он и спросил: – Тебе чего взять?

– Сока.

– Отлично, – опять хихикнул спутник. Вообще, надо отметить, что счастливая улыбка редко покидала его лицо. – Спорить, думаю, бесполезно?

– Правильно думаешь, – удовлетворенно кивнула я.

– А сок какой? Надеюсь, не сиреневого цвета?

– Можно желтого, – смилостивилась я. – А можно оранжевого. Или бордового. Другие цвета не бери.

– Другие цвета – это уже молоко или коньяк, – засмеялся Макс и отправился к бармену. Вернулся с пирожными, мороженым и ананасовым соком.

– А тебе?

– А я не хочу, – пожал он плечами. – Хочешь забавную историю?

Я хотела. Но зря. Не успев прожевать пирожное, я не вовремя засмеялась и от этого закашлялась. Весельчак подскочил и услужливо застучал по спине.

– Спасибо. Почему ты смешишь меня все время?

– А почему ты так редко улыбаешься? Будешь сама улыбаться – не буду смешить.

– Звучит как угроза.

Мы засмеялись и накинулись на чуть подтаявшее мороженое.

– Расскажи мне про свою семью, – попросила я.

– А что тебя интересует? – Как мне показалось, Максим напрягся.

Но я продолжила допытываться:

– Ну, родители, братья-сестры, бабушки-дедушки, жены.

Он хихикнул:

– Не женат и не был. Мать есть, отец умер.

– О, сочувствую... – «Вот почему он не хотел говорить!» – запоздало догадалась я.

– Братьев нет, сестра есть... Была... То есть есть.

– Как это? Я совсем запуталась.

– Она пропала. Пропала без вести... – проговорил он с несвойственной ему грустью.

– О господи! Прости, что спросила... А что полиция говорит? Ее ищут?

– Нет, ее не ищут. Никому нет дела до посторонних людей. Тем более что она ушла от нас сама, на своих ногах, оставив даже записку, мол, не ищите.

– А... Ну тогда с ней, скорее всего, все в порядке. – А сама подумала: «Какой норв надо иметь, чтобы вот так просто взять и бросить мать с братом? Да еще и когда в семье произошло горе – смерть кормильца. Или он умер уже потом?» Но уточнять этот вопрос посчитала неловким. – Наверно, она влюбилась и уехала к нему жить.

– Это не совсем так... Она ушла не ради жизни с любимым, а ради погони за неведомым.

Эта таинственность исчезновения сестры была мне интересна, но парень вдруг попросил меня сменить тему, что говорило в пользу того, насколько она была для него болезненна. Я кротко принялась рассказывать о своих родителях, а потом о своей работе. Чтобы не показаться скучной, стремилась шутить всякий раз, когда что-то смешное приходило на ум. Мое старание было вознаграждено, к Максиму вернулось прекрасное расположение духа, и у меня свалилась гора с плеч, а также с головы и со спины.

– Дай запить, – попросил он, когда мы доели мороженое, и я протянула свой сок.

Он глотнул пару раз, затем стал задумчиво вертеть стакан в руках. Я поняла, что провидение послало мне пару минут передышки. Социум отстал от интроверта, и последний теперь законно может углубиться в свой внутренний мир.

Утренний разговор с Катериной никак не шел у меня из головы. Горгон... Где-то я это уже слышала. Причем совсем недавно. Я еще подумала, что как Медуза Горгона, только без последней буквы. Это что, имя? Горгон... Стоп. Вообще горгоны в древнегреческой мифологии – кто такие? Это чудовища со змеями вместо волос. А Медуза – это вроде как одна из них,

и это уже имя собственное. А мужчины были в их роду? Наверняка. Значит, они назывались горгонами. То есть: она – горгона, он – горгон. Так? Ну тогда что получается? Нам нужен мужчина со змейками в голове? Или горгоны исключительно женщины?

Макс что-то сказал, я переспросила, так как полностью ушла в свои мысли, но повторить он не успел: поставив до этого стакан на край стола, он случайно задел его ладонью, и емкость с ананасовым полетела вниз. То есть... Должна была полететь... Я ничего не понимаю... Короче, безостановочно моргая и не веря собственному органу зрения, пересказываю все, как было: стакан полетел, Макс испуганно расширил глаза, молниеносно бросил руку вслед за ним и где-то в середине полета поймал. Сока там оставалось мало, так что ничего даже не выплеснулось на пол. Но дело не в этом... Дело в том, что стакан, как мне показалось... Бред! Мне все-таки показалось... Он сам дернулся навстречу его руке... Он летел вниз, затем, передумав, полетел вверх, и всего через десять миллиметров пути встретился с рукой. Да, это миллиметры, но тем не менее могу поклясться, что это расстояние стакан поднимался сам...

Я не успела поразмышлять на тему своей адекватности и причины возникновения галлюцинаций, потому что по радио голосом капитана объявили, что завтра состоится бесплатная экскурсия в рубку для всех желающих.

– А то устроили тут! – добавил он с горечью. В отдалении было слышно, как Любимова с кем-то ругается и вроде даже дерется.

Через минуту она в компании трех молодых людей появилась на пороге бара и тут же бросилась ко мне.

– Они нас выставили! – задыхаясь от возмущения, начала та рассказывать, но вдруг в проеме возник сам Вадим Михайлович, имеющий весьма негодующий вид, и Катерине пришлось на время заткнуться.

– От этих сорванцов я ожидал чего угодно, – заявил он в печалью в голосе, – но от вас! Вы производите совсем другое впечатление, девушка!

Матросы, проходившие мимо и заинтересовавшиеся происходящим, весело загоготали. Видимо, капитан редко покидал рубку, с тем чтобы высказать лично свои претензии некоторым пассажирам.

– А я тоже сорванец! – с распирающей нутро гордостью сообщила главному человеку на теплоходе моя подруга.

Он покачал головой и скрылся.

– Кать, что случилось?

Она плюхнулась рядом и продолжила рассказывать:

– Мы потребовали показать нам, как устроен теплоход! – Видя мое удивление, поправились: – Ну то есть... попросили!

– Ну да, ты как никто умеешь просить, – кивнула я с издевкой. Максим хихикнул. Оказывается, даже посторонние замечают выдающийся темперамент Любимовой. Хотя чему изумляться, она его особо и не скрывает.

– А штурман заявил, – как ни в чем не бывало снова заговорила она, – что посторонним здесь не положено находиться! Когда мы отказались уйти, он попытался нас выставить! И стал браниться, как какой-то... сапожник!

– Ну, значит, действительно не положено, – встала я на сторону неизвестного штурмана.

– Ага! А такие бабки грести с путешественников им положено? А как же «клиент всегда прав» и прочая лабуда?

– Именно что лабуда, – кивнул сам себе Максим, ухмыляясь. – Сервис в России всегда будет на нуле, как бы на Европу ни старались равняться.

Любимова повернулась теперь к нему и с пылающим лицом ответила:

– Тогда нечего цены устанавливать на уровне западных!

Тут подал голос Руслан, вставший на сторону Кати:

– Нечаев, тебя с нами не было, так что не стоит тут выкаблучиваться. И, кстати, это очень странно, потому что на земле ты прямо-таки грезил проникновением в капитанскую рубку.

Максим не растерялся:

– Да, я хотел взглянуть на процессы управления судном, но потом решил остаться с такой замечательной девушкой наедине. Ведь такой шанс выпадает крайне редко, она постоянно тусуется со своей подругой. – Произнося это слово, парень глядел на Любимову и со всей возможной елейностью ей улыбался.

Она ответила такой же противной улыбочкой и заявила:

– Намек понят. Сегодня же отпускаю Юльку с тобой на свидание.

Я ахнула и поспешила перевести тему (точнее, вернуть прежнюю):

– Руслан, а что там такое произошло? – Боясь, что меня не поймут, быстро добавила: – Ну ты говоришь, мол, тебя там не было...

– А, ну, Катя не усугубляет, с нами действительно чересчур грубо обращались. Будто мы секретные документы пытались воровать, а не на штурвал посмотреть. Даже подозрительно.

– Юленька, – встрял Макс, лаская меня взглядом, – пользуясь моментом щедрости твоей подруги, хочу пригласить тебя на экскурсию в Калязин.

Я, конечно, испугалась.

– Мы? Вдвоем? То есть как? Без Катьки? Совсем? Но... – Видя, с каким лицом Любимова закатывает к потолку бара глаза, я исправилась: – Но это здорово! Хорошо! Класс! Я от нее, сказать по правде, уже устала.

Выражение лица подруги с «Ну и блаженная!» переменялось на «Ах, та-ак?!», и я осознала, что с последней фразой погорячилась. Но теперь поздно переигрывать. Вот уже и Макс так ошастливился, что его *стандартная* улыбка преобразовалась в *нестандартно* широкую. Ничего, Любимова быстро отходит, она меня простит уже через минуту.

– Отлично, – подытожил Максим. – Встречаемся в фойе, когда причалит теплоход.

Руслан как-то загадочно фыркнул, но ничего не сказал. Все четверо поднялись и направились к выходу. Мы с Катькой решили посидеть немного. Вернее, она решила. Потому что, когда я тоже поднялась, взяла за руку и усадила обратно.

– Что?

– Есть новости, – зашептала подруга, и я пересела к ней поближе, чтобы лучше слышать. – Те двое, кого я подслушала этой ночью... Это Костя и Никита.

– Да? Уверена?

– Точно. Один голос нудный, второй женственный. Это они, бесспорно.

– Как голос может быть нудным? – пустилась я в филологические изыскания. – Нудным может быть человек. Или речь.

Катька отмахнулась.

– Какая разница? Ты поняла меня. К тому же, мне кажется, неспроста они все время стремятся нас разделить. Так что на экскурсии предельное внимание. И будь осторожна.

– Ничего себе, – скусила я. – Тебе обязательно меня пугать? Мало всего того, что мы пережили за последние четыре года? – Первое наше расследование случилось именно тогда, и после этого нас как прорвало... Или не нас? Или рок? Короче, кого-то прорвало, и всяческие убийства так и стали попадаться нам на пути. И рисковать жизнью тоже приходилось к ухудшению деятельности сердечной мышцы моих родителей довольно часто.

– Я просто предупреждаю, – пожала Екатерина плечами. – И ведь, согласишься, так интереснее!

– Ну да, – уныло кивнула я, и мы вернулись в каюту.

Катя

В вестибюле было многолюдно. Казалось, все семьдесят человек жаждали побыстрее оказаться на твердой поверхности земли. Четверо наших кавалеров первыми углядели нас в толпе и подошли вплотную.

– Ну так что? – спросил Юлькин хахаль. – Планы не меняются? Я ее забираю? – И уставился с восхищенным обожанием на мою любимую подружку. Сама Образцова по моему настоянию переделалась в юбку, к которым была не приучена, и, вместо того чтобы строить парню глазки, постоянно тянула подол вниз. Блин, можно подумать, что юбка от этого вытянется! Глупая девица, такие ножки надо показывать!

– Что ты фыркаешь опять? – накинулась на меня Юлька.

– Я? Что ты. Тебе показалось. – Сейчас, при всех, не стоит обсуждать ее скованность. Вечером в каюте проведу ликбез. Научу правильно подавать себя.

Впервые показался директор круиза. Он был примерно одного возраста с капитаном, но вид имел не такой приятный. Вадим Михайлович как-то располагал к себе, может, оттого что имел усы, которые лично у меня ассоциируются с добротой, а Ефим Алексеевич обладал маленькими глазками и острым взглядом. Когда мы сошли с теплохода, он представил нам местного гида, который будет вести часовую экскурсию в Калязине.

– Простите, а где Александра Неваляшина? – спросила его Вероника. Сестры глянули на нее с толикой сердитости, но ничего не сказали.

– Госпожа Неваляшина плохо себя чувствует. Она просила ее сегодня не беспокоить.

Ника заметно расстроилась, я уж думала, что она вернется на лайнер к своему кумиру, но она все же осталась с семьей на берегу. А вот директор, сообщив, что через полтора часа все должны быть на месте, поспешил обратно.

Гид представился и повел нас быстрыми шагами на осмотр достопримечательностей.

– Церковь Вознесения Господня была построена в 1783 году, – начал гид, когда мы пришли на место. – Позднее были построены два придела...

– Простите, – подала голос одна из сестер Вероники (я их пока не научилась различать), – а на затопленную колокольню нас когда поведут?

– Прощаю, – не совсем вежливо ответил высокий мужчина, – на колокольню мы не пойдем, у нас очень мало времени, еще столько всего надо...

– Но как же? – опять перебила женщина в темном свободном одеянии. – Это главная достопримечательность Калязина! Мы ради нее приехали!

– Понимаете... – Мужчина откашлялся. – Тут такое дело... На колокольне пару недель назад трупы туристов нашли. – Все ахнули. – Пока на осмотр мы никого туда не водим.

– А можно самим сходить?

Гид на удивление дал согласие и рассказал, как отсюда быстрее добраться. Предупредил, чтобы были осторожны. Неожиданно эта женщина обернулась ко мне:

– Вы Катерина, да?

– Да, – не понимая, чего от меня хотят, ответила я.

– Я Богдана, сестра Вероники. Ника, встань ровно! – неожиданно скомандовала она девушке, стоящей за мной. Посмотрев через плечо, я увидела, как та послушно расправила спину. – Я хотела спросить, вы пойдете с нами?

– Зачем? – удивилась я. – Не знаю, я еще как-то не ду...

Она снова перебила, видать, сильно любила это дело:

– О, вам понравится! Идемте с нами, я много читала про это, по дороге расскажу. Просто у Ники совсем нет подруг, а к вам она вроде тянется...

Обычно строгое, сейчас лицо средней сестрицы немного смягчилось, и я не сумела отказать в такой трогательной просьбе – стать на время подругой затюканной девушке.

– Хорошо, только Юльке скажу. – Я начала водить головой по сторонам, пытаюсь найти подругу.

– А она ушла с молодым человеком.

– Да? – Удивительно, Богдана даже Образцову знала. Впрочем, она имя-то могла и не знать, чисто логические поняла, кто мне нужен – девушка, с которой я всегда ходила.

– Да, минут пять назад.

– Темненький такой, симпатичный, – подсказала Ника, хотя я и так знала, с кем Юлька. Сама же отпустила ее на свидание.

– Меньше бы ты о симпатичных думала, – озлобленно выдала Богдана и повела нас четверых к колокольне. Старшая сестра все больше отмалчивалась, но по недовольно поджатым губам и чуть презрительному взгляду я сделала вывод, что она немногим лучше средней. Эти женщины вообще никогда не улыбались.

Колокольня торчала прямо из воды, обнесенная небольшим островком. Это выглядело так необычно, что я остановилась, зачарованная увиденным.

– Да-да! – согласилась со мной Богдана. – Она именно такая, как я себе рисовала! Белокаменная, с серо-голубым шпилем... Екатерина, вы знаете, почему Колокольня Николаевского собора находится в воде?

– Никак нет, – пожала я плечами.

– Когда создавали Угличское водохранилище, вся старая часть города Калязина оказалась затоплена. Столько зданий, чьих-то жилищ, дворов находится теперь на самом дне!

– Прямо Атлантида, – хмыкнула я.

Сестра воззрилась на меня с суровостью учителя, но кивнула.

– Именно. Идемте, там должно быть интересно.

– А не опасно? – активизировалась старшая сестра. – Там убивают.

– Ерунда, – отмахнулась та.

Они обе пошли договариваться с лодочной станцией, а мы с Вероникой остались на этой части берега, откуда колокольня наиболее выгодно просматривалась. Достав фотоаппараты, мы стали делать снимки, по ходу девушка объяснила:

– Ты не обращай внимания на сестрицу, у нее не все дома. – Я чуть было не ляпнула: «На какую из них?» – Видишь ли, мне понравился один из матросов, и... мы начали встречаться.

– Быстро, однако! – здесь я уже не сдержалась. – Второй день на теплоходе!

– Я понимаю, но не суди меня строго. После школы я мужчин вокруг себя почти не видела. Сестры меня пристроили к себе на работу. Я училась на бухгалтера, там тоже, как понимаешь, мужчин не было. Вот. А на фирме я под приглядом. И дома тоже.

– А сами-то они замужем были?

Вероника оторвалась от съемок и, с грустью на меня глядя, покачала головой.

– Но я не хочу как они! – добавила эмоционально.

– И правильно, – кивнула я, но вынуждена была прекратить разговор, так как сестры подозвали нас жестами.

На катере мы были доведены до места. Сошли на берег маленького островка. Как сказала Богдана, он рукотворный. Специально сделан для туристов, а раньше здание просто торчало из воды. Перевозчик обещал нас подождать, но не более чем двадцать минут. Тем не менее мы заверили, что успеем.

Колокольня выглядела скверно. Штукатурка во многих местах отвалилась, обнажая кладку красного кирпича. У нее было пять ярусов, первый из которых порос травой и чахлыми кустарниками, которые торчали прямо из щелей и на стыке со вторым ярусом. Выше все смотрелось приличнее. Пока я пыталась взять в объектив всю колокольню со шпилем вместе, что

удавалось с большим трудом, точнее, вообще не удавалось из-за отсутствия необходимого простора и большой высоты здания, я не заметила, как осталась одна. Убрав фотоаппарат, я хотела крикнуть им, но заметила сестер с другой стороны острова. Тогда я решила войти внутрь.

М-да... Кирпич, мусор, состояние захламленности и ненужности. Тут я услышала осторожные шаги за одной из голых стен. Видимо, потерявшийся турист. Все три сестры были на берегу, а вход здесь только один.

– Эй! – гостеприимно позвала я.

В ответ тишина. Однако шаги после недолгой паузы продолжились.

– Не хочешь – как хочешь, – пробурчала я, но тут какая-то тень пролегла в проеме и... застыла. От того, что я вижу тень, а самого человека не вижу, мне сделалось не по себе. Обычные люди так себя не ведут. Ни одной лодки и ни одного катера здесь не было, когда мы приехали. Пока мы любовались местом с того берега и пока сюда плыли, никакие люди по острову не ходили. Пока фотографировались, тоже тишина полнейшая, будто мы одни. И вот появляется человек, но ведет себя странно. Голос не подает, на звуки не выходит. Если не хочет общения – пускай, вон Юлька у меня такая же, от незнакомцев шарахается как от огня, но ты выйди просто на улицу или забейся в дальний угол, чтобы я тебя не отыскала. Зачем стоять и молчать? И так, чтобы тебя не было видно? Потому что я уверена: это делалось специально.

В этот момент меня осенило.

– Я убью тебя, лодочник! – крикнула громко, чтобы он слышал и понял: шутка не удалась. Ведь нас на острове пятеро, ему ничего не стоило выйти из катера и начать нас запугивать. Мистические истории расходятся на ура, так он привлечет больше посетителей и получит большую прибыль. Все логично.

Выдохнув, я успокоилась, но зря: с острова донесся голос перевозчика. Средняя сестра ему что-то отвечала.

– Кто здесь? – сорвалась я на писк, перепугавшись не на шутку. Затем приказала себе быть бесстрашной и твердой поступью вошла в помещение.

Там никого не было. Только что-то темное мелькнуло возле второго проема. Сколько же здесь смежных помещений? Колокольня маленькая, вряд ли та комната выведет куда-то еще. Ты в ловушке, призрак.

Призрак? Я сказала «призрак»?!. Я сошла с ума... Это просто какой-то дурак, которому вздумалось пошутить.

– А ну выходи! – прикрикнула я грозно и сделала еще несколько шагов, но тут он вышел, в итоге мы столкнулись лбами. То есть фигурально выражаясь. На самом деле я ткнулась ему в грудь.

– Как приятно, – шутливо изрек он.

– Тьфу ты, Владлен Сергеевич, вы ошалели?! Умеете же пугать!

– Мы на «вы»? – расстроился Громов. – Для тебя я просто Влад.

– Как вы попали на остров?

– Серьезно, Кать, не «выкай», – искренне попросил Владлен. – Мне сорок лет будет на днях, а вовсе не семьдесят.

– Окей.

Мы вышли из здания колокольни. Лодочник загрузил всех пятерых на судно, и мы отправились назад.

– Как печально видеть, когда исторические памятники нашей родины приходят в такое запустение, – поделилась наболевшим Богдана.

– Да, это плохо, – поддержала Варвара. – А все правительство виновато. Думают только о том, как бы денег содрать с народа. А сооружение восстановить – на это им жалко.

– Это вы еще запустений не видели, – поддержал беседу таинственный Громов. – В усадьбе Храповицкого были? В Муромцево? Это во Владимирской области. Один из немногих замков России, бесконечно красивый и величественный, гибнет с каждым годом.

– Что же вы денег не пожертвуете на реконструкцию? – с сарказмом вклинилась я.

– Я работаю над этим, – серьезно ответил он, и я заткнулась. То ли шутит человек, то ли правду говорит – поди пойми. Лучше промолчать.

Когда мы приплыли, мужчина предложил мне прогуляться по улочкам этого старинного города. Я почему-то согласилась, хотя сама ведь решила, что от него нужно держаться подальше. Мой парень Женька часто повторяет, что самая большая загадка в мире – это женщины, я склонна ему верить. Особенно сейчас.

Таким образом мы разделились: сестры пошли направо, надеясь отловить нашу группу с гидом возле какой-нибудь из озвученных достопримечательностей, а мы с Громовым свернули налево, прошлись немного вдоль берега, а затем направились по узкой тропе в сторону домов, находящихся на окраине города.

– Я рад, что ты надела на экскурсию платье.

– Для тебя старалась, – хихикнула я.

– Это очень хорошо, – ответили мне совершенно серьезным тоном.

Ввиду этого я поспешила сменить тему:

– Так что у тебя все-таки за бизнес? Приятной барышне за ужином поведать не захотел, может быть, меня удостоишь ответом?

– Господь с тобой, ничего в ней приятного не было, – хохотнул собеседник. – Если настаиваешь, расскажу. Я возглавляю фирму... скажем так, некоторых услуг.

– Умоляю, скажи, что ты не сутенер!

Мы засмеялись.

– Нет, просто когда люди обращаются за помощью, я помогаю. Вот и все.

– Криминал какой-нибудь?

– Да что ж ты меня во всех смертных грехах подозреваешь? – удивился Влад. – Обычные услуги, ничего особенного.

Мы как раз вышли на самую узкую и грязную улицу, которая вскорости привела двух путников в самый настоящий тупик.

– Ну и дела, – моргнула я, оглядывая местность. Слева дом с забором, прямо канава и заброшенный сарай, кои никак невозможно обойти, справа тоже дом, но ограда здесь шла только до середины. Право, не понимаю, для чего тогда вообще ее устанавливать. Сделал два шага вбок, частокол закончился, и ты беспрепятственно проник на чужую территорию.

– Как романтично, – хмыкнул Владлен Сергеевич. – Купить себе, что ль, здесь участок.

Мы дружно развернулись, чтобы пойти по неровной неасфальтированной дороге назад, но неожиданно встретили еще одно препятствие. Грозно скалясь, на нас шла вшивая бело-рыжая собака. Мы начали пятиться, пес же, сверкая свирепыми глазищами, начал заливаться лаем, уверенно сокращая расстояние.

– А сзади тупик, – безысходно молвила я тоненьким голоском.

– Я помню, – недовольно отозвался спутник.

Мне стало неопишимо страшно. В отличие от своей подруги, я никогда не боялась собак, но этот пес вселял какой-то нечеловеческий ужас. Он продолжал лаять и наступать, и мы почти уже уперлись в сарай, когда Громов сказал:

– Я думаю, он болен бешенством.

Только тут я заметила, что у животного изо рта выступила пена.

– Боже мой! – лишь оставалось воскликнуть мне, когда я почувствовала задом кирпичную стену. Начав читать про себя молитву, я зачем-то вцепилась в ладонь рядом стоящего мужчины. В следующую секунду глаза собаки засияли поистине зверским пламенем, я отчет-

ливо поняла, что пришел наш конец и она сейчас бросится, и пес действительно сделал какой-то рывок, но тут же странно дернулся в районе шеи и свалился как подкошенный. Я успела закричать, но, видя, что враг повержен, затихла.

– Что с ним? – прошептала я, когда Владлен пошевелился, вроде бы собираясь уходить.

– Мне думается, он мертв. Пора нам возвращаться.

– Но почему?! Как он умер?!

– Какая разница? – нервно пробубнил он и двинулся вперед. Так как я все еще стояла возле сарая, мне пришлось отпустить его руку. Он переступил через псину и пошел по дороге, но через пять шагов обернулся. – Ну ты идешь?

Оцепенение прошло, возродив, однако, любопытство. Я подбежала к животному и села. Меня заинтересовал подозрительный изгиб шеи. Громов со словами «Ты что, совсем?» кинулся ко мне, когда я протянула руку, собираясь проверить догадку. Он перехватил мою ладонь и грубо поднял на ноги. Насильно повел вперед по дороге, приговаривая:

– Еще не хватало заразиться от этой псины! Знаешь, какой там набор? Жить надоело?

Я в ужасе молчала.

Юля

– О, вот вы где! – Обрадованный встречей Руслан подсел к нам на скамейку с моей стороны.

Мы с Максом отъединились от группы почти сразу. Я не успела даже толком поставить в известность Катю. Впрочем, она знала, что у нас с Нечаевым свидание, должна понять, где я и с кем. То есть с кем. Где – мы и сами сначала не знали. Хотели пойти в кафе, но не нашли их поблизости. Зато нашли сами одну из церквей, к которым собирался водить гид. Мы там сфотографировались и отправились дальше по дороге, которая вывела нас в этот парк. Мороженщик порадовал ценами, так что от идеи найти кафе мы уже отказались. Сели на чистую лавочку в тени высоких ухоженных деревьев и стали поедать пломбир за пломбиром. Тут-то нас и нашел Руслан.

– От тебя не спрятаться, не скрыться! – шутливо пропел Максим.

– Нечаев, ты, как всегда, добр ко мне, – хмыкнул тот, устраиваясь повальнее. Положил руку на спинку скамейки и то ли нарочно, то ли случайно коснулся при этом моей шеи. Я чуть вздрогнула, Макс насторожился и, обернувшись, заметил причину.

– Руслик, вот че ты приперся? – миролюбиво фыркнул он. – Свидание нам портить?

– Что ты! Даже в мыслях не было.

– А где Костян с Никитичем?

– Они отправились Катерину искать.

– Зачем? – икнула я удивленно, стараясь, однако, на говорящего не смотреть. Почему? Не знаю. Я вдруг осознала, что очень сильно его стесняюсь. Это из-за шеи? Гороскоп утверждает, что у Тельцов там самая чувствительная зона. А я ведь раньше не верила...

– Видели, как за ней следил какой-то мужик, – пожал Руслан плечами. – Решили подстраховать.

Я еле удержала усмешку. Из Константина и Никиты телохранители так себе. Любимова быстрее сама за себя вступится, да еще и их спасет. Впрочем, я догадывалась, о каком мужике речь, так что спасенной она вообще не захочет быть.

– Страховые агенты, блин, – весело хмыкнул Максим, думая, очевидно, в том же направлении, что и я. Ну, не считая личности «какого-то мужика», полагаю.

– Юль, чем ты по жизни занимаешься? – искренне поинтересовался Руслан.

Все еще не глядя на него, я лаконично ответила:

– Менеджер по закупкам в муниципалитете. А ты?

– Я? – переспросил он удовлетворенно, словно только и ждал, когда же можно будет рассказать. Однако Максим невежливо хихикнул и закатил глазки, мол, сейчас что-то будет. – Дурак ты, – бросил ему спокойно Руслан, заметив реакцию, однако продолжать как-то сразу расхотел.

За него ответил товарищ:

– Зайцев у нас мануальщик.

– Кто? – не поняла я.

– Я лечу людей при помощи мануальной терапии, – включился-таки в обсуждение своей профессии Руслан.

– То есть врач?

– Ну да, вроде того.

«Везет мне на врачей!» – недовольно проворчала я про себя. То есть думала, что про себя. Потому что:

– А кто еще врач? – спросили оба.

Нет, ну сколько можно, а? Какая противная привычка...

– Да так... один...

– А говорила, что ни с кем не встречаешься! – не то разозлился, не то обиделся Максим.

– Мы и не встречаемся, он просто хороший знакомый, – кинулась я оправдываться, имея в виду Пашу Самойлова. Того самого, который не разрешил Катьке увозить меня из города.

– Конкуренция высока, – констатировал Руслан и наконец поднялся. Я смогла расслабиться и прижаться-таки к спинке, потому что до этого приходилось держать спину на зависть солдатам ровно: боялась опять прикоснуться шеей к его руке. – Может быть, прогуляемся? – предложил он. Мы не воспылали энтузиазмом. Я не успела насладиться позой с прижавшейся и ввиду этого отдыхающей спиной, а Макс... не знаю почему. Просто не воспылал. Тогда Руслан ушел один, и только Нечаев обрадовался и, повернувшись ко мне, стал шептать всякие нежности в мое ухо (я краснела и опускала лицо все ниже и ниже), как первый вернулся.

– Не прошло и года! – с пафосом пробасил Максим.

– Там очень красивые кусты сирени, а под ними тюльпанное поле. Думаю, можно сделать прекрасные снимки.

Здесь я уже воодушевилась, так как за этим и приехала сюда – фотографироваться и наслаждаться местной красотой. Архитектура или цветы – какая разница? Короче, я последовала за Зайцевым, а Максим, горько вздыхая (но не переставая при этом улыбаться), за мной.

Руслан был прав, место реально было красивым. Я восторженно ахнула, но тут же, вспомнив, что фотоаппарат остался у Любимовой, взгрустнула. В этот момент в Нечаеве проснулся рыцарь. Он вкрадчиво осведомился, в чем дело, и, узнав причину, пообещал снять меня на свою камеру в самом лучшем виде, а затем выслать на имейл. Засим мы обменялись электронными адресами, на что Руслан взирал с какой-то тихой печалью, и принялись позировать. Я сфотографировалась и с одним, и со вторым (Максим по-свойски меня обнял перед объективом, но у выдержанного Руслика рука, к счастью, не дрогнула, и снимок вышел замечательный), потом я фотографировала их вместе. Далее ребята провели целую фотосессию, каждый пытался сделать мой портрет на фоне сирени как можно лучше. События стали походить на конкурсное соревнование, в котором единственным членом жюри была я. Только мнение этого члена почему-то никто не спрашивал.

– Нет, мой снимок был лучше! – уверенным тоном говорил Макс, разглядывая новую фотографию на крупном экране навороченной камеры.

Руслан заступался за свое творение:

– У тебя пол-лица в тени было! А у меня хорошее освещение вышло.

– Ну и что, что тень. Зато лицо у Юли естественное получилось, красивое, как и в жизни. А у тебя она какая-то каменная...

– Ну спасибо, – фыркнула я недовольно.

– Как будто чувствовать боится, – продолжал спорить парень, не слушая меня. – Лицо как застывшая маска.

– При чем тут лицо? – возмутился Зайцев. – За лицо не я отвечаю, а природа, которая его таким создала. Я говорю про профессионализм. Его не пропьешь. Экспозиция совершенна.

– Так ты фотограф или мануальщик? – резко выпала я, обидевшись за свое лицо.

Эти слова Максим, однако, услышал и заржал. Руслан, напротив, проигнорировал мой выпад и передал по эстафете камеру снова приятелю – настал его черед.

Но я больше не могла улыбаться. Мышцы лица болели, а психологическое состояние вместо оптимистично-ликующего, какое должно быть у позирующих, приблизилось к агрессивно-наступательному с садистскими наклонностями. Они тут дуэли устраивают, стараясь выяснить, кто круче, а я должна стоять и растягивать губы два часа. Щас! Дудки.

– Давай, Юля! – видя, что я ушла в тень и прислонилась к дереву, начал подбадривать Максим. – Щас мы такой снимок забабахаем! Руслик над светом поэкспериментирует, а я тебя развеселить попытаюсь. Поймаем нужный момент и – вуаля! – голливудская звезда.

– Спасибо, не надо, – вежливо отказалась я. – Ребят, я устала. К тому же у нас уже есть парочка чудесных фоток. Я там очень здорово вышла.

– Чьих фоток? – в один голос спросили мужчины.

Нет, это невозможно! Я говорю, что устала, а они продолжают соперничать!

– Моих фоток! – зло ответила я и пошла куда глаза глядят. Лишь бы от них подальше.

Они иронии не поняли, побежали следом и продолжили спрашивать:

– Это понятно, что твоих, но кто снимал-то? Я или он?

«Отстаньте!» – так и билось в голове, но я сдерживала порыв, потому что не хотела с ними разругаться. В то же время отдавать кому-то предпочтение я также не могла. Лучшим выходом было просто уйти, оставив все вопросы без ответа, но вот этого мне, увы, категорически не давали.

В итоге я все ускорялась и ускорялась, надеясь либо оторваться от преследования, либо дать понять, что в прямом и переносном смыслах ухожу от ответа, но парни двигались с такой же скоростью, а читать между строк, как и большинство мужчин, не могли, поэтому я все же обернулась на ходу, чтобы ответить что-то резкое, но вместе с тем несильно грубое, и в тот самый момент на меня вылетел бесшабашный велосипедист. Это был мальчик лет одиннадцати, он гонял вместе с другом, который ехал справа и на которого он смотрел, вместо того чтобы глядеть вперед. Я, в свою очередь, так как, повторяюсь, обернулась к ребятам, очумелого гонщика тоже заметить не успела. В результате в последний миг Макс схватил меня за руку и дернул на себя, я, оступившись, упала, и уже в полете заметила велосипеды. Их владельцы оказались беспардонными – просто проехали мимо, так же смотря друг на друга, а не на дорогу, никто и не думал извиняться. Однако я даже не поняла, задела меня или нет, потому что все произошло очень быстро, а боли я от шока пока не чувствовала. Оба кинулись меня поднимать, я стала разглядывать чудом не ободранные ладони, которыми тормозила при приземлении. Макс спросил:

– Тебя задела?

– Не знаю, – честно ответила я, пребывая в состоянии растерянности.

Руслан присел возле моих ног и, дотронувшись до лодыжки, сообщил:

– У тебя кровь.

Я посмотрела, куда он указывал. Чуть ниже колена пролегла наискось тонкая кровавая полоса.

– Блин, – только и осталось мне сказать.

– Видимо, на спицах была какая-то зазубрина, вот она и поцарапала.

– Хорошо, что я быстро среагировал, – похвастал Максим. – Иначе бы ей и не так досталось.

– Спасибо, – сердечно поблагодарила я. Все-таки он прав.

– Давай, что ль, морду им набьем, – ободренный моим откликом, продолжил Макс, обращаясь к Руслану. – Так и будут гонять, смертоубийцы. А вдруг старушенция какая-нибудь подвернется? У той сразу тройной перелом. Иль вообще помрет.

– С испуга, – хихикнул тот.

– Вон они, – разглядел их мой спаситель на параллельной тропинке. – Уже полкруга успели сделать. Едут к ларьку с мороженым.

– Такой шанс нельзя упускать, – кивнул Зайцев с серьезным видом. Я испугалась. Что они собрались сделать с пацанами? Это же, как ни крути, просто дети. Неужели правда избить хотят? – Иди останови их, я сейчас подбегу.

Максим бодрой рысью направился к давешнему мороженщику, Руслан повторно присел напротив моих колен. Я вспомнила, что он врач, и только хотела спросить, как он собрался меня лечить без пластыря и зеленки, как вдруг... Новая галлюцинация! Моя шизофрения прогрессирует. Ладно, я десяток лет разговариваю сама с собой, но такое... Второй раз за сутки!..

Короче, Руслан якобы провел рукой по моей царапине, и она якобы после этого испарилась! Сон наяву. Но раньше я, как лошадь, стоя не спала. Это отдых на престижном теплоходе способствует возникновению новых привычек? Или это все-таки не сон?

Я успела только расширить глаза и открыть рот, как Руслана уже и след простыл. Но он не исчез, как моя ранка, он бросился вслед за другом. Я стояла в ступоре еще полторы минуты, а когда наконец поняла, что надо спасать детей и прибежала к месту стычки, выяснилось, что мальчишкам уже отвесили парочку подзатыльников и отпустили восвояси. Хочется отметить, что, видя, с какой скоростью они улепетывают от двух взрослых дядь-гангстеров, беспрестанно на них оборачиваясь в процессе езды, я в который раз убедилась, что насилие – не метод воспитания, ибо так очень легко сбить кого-нибудь еще.

– Ну что, пойдём? – сказал нам Руслан.

– Я вижу купола другой церкви, наверняка тоже какая-то достопримечательность, – поддержал его Максим, мне ничего не оставалось, как согласиться.

По дороге меня мучили два невысказанных вопроса: как Нечаеву удалось заставить стакан лететь вверх и как Руслан убрал с моего тела царапину? Я не была таким скептиком, как Катя, и все же в сверхъестественное особо не верила. С другой стороны, никто не верит, пока воочию не столкнется, но я же столкнулась! И что мне теперь делать? Как ни в чем не бывало спросить: ребята, вы правда это сделали или мне показалось? Или все-таки сперва посетить определенного специалиста, а уже когда тот даст заключение о моей вменяемости (или невменяемости), делать какие-то выводы? В пользу первой, кстати, говорил тот факт, что на данном распрекрасном теплоходе планировался слет экстрасенсов. Если бы Павел не предупредил нас об этом, я бы точно решила, что спятила, а так... Чем дуб не шутит? А вдруг и впрямь люди со сверхспособностями плывут по соседству с нами? С другой стороны, эти люди особо не прятались и даже выступали на сцене. Эвелина, еще какие-то два мужика, чьих имен я не помню. Я думала, что они и есть те самые, с форума... А если Руслан и Максим их так называемые собратья, почему они не выступали?

– Руслан.

– Да? – с готовностью отозвался он, так как мы шли молча довольно долго и уже подошли к храму.

– Расскажи мне поподробнее про свою работу.

Нечаев задорно хмыкнул, Руслан посмотрел на него недовольно, но промолчал. Обернувшись ко мне, спросил:

– Что конкретно ты хочешь знать?

– Часы приема, – хохотнул Макс, чем меня окончательно разозлил.

– Пофоткай храм, раз мы пришли! Сделай милость, – не слишком вежливо попросила я, но он послушался и ушел в сторонку.

– Я работаю в частной клинике нетрадиционной медицины. Лечу людей руками. Иными словами, делаю массаж, нажимаю на точки силы – точечная акупунктура, заряжаю энергией больной орган. Вот и все, – скромно пожал он плечами.

– Это все, что ты умеешь? Или что-то еще?

– Все, – неуверенно ответил Зайцев, почему-то боясь смотреть мне в глаза. – А почему ты спрашиваешь?

– Да так... Лечить людей руками – это похоже на... хм...

– Шарлатанство? – с хитрецей подсказал он, наконец взглянув мне в лицо и улыбнувшись.

– Нет-нет, – покраснела я. – Я не это имела в виду. Это похоже на целительство.

Почему-то при этом слове он вздрогнул. Или мне показалось? Затем, отрицательно качая головой, опроверг:

– Здесь совсем другое, я сам ничего не делаю. В организме каждого человека скрыта огромная сила. В частности, способность к ускоренной регенерации и самовосстановлению. Я

просто помогаю запустить эту систему специальными упражнениями и давлением на определенные точки на теле. Вот и все.

– Ребята, вы идете фотографироваться на фоне? – весело крикнул нам Макс. – А то избушка сейчас убежит!

Вот балагур. Ну как можно сравнивать церковь с избушкой на курьих ножках? И куда ж она денется-то от нас? Века стояла и еще столько же простоит. Тем не менее мы подчинились.

Позируя перед объективом, я думала только об одном: если Руслан, по его собственному утверждению, ничего не делает, что означает, что я сама запустила процесс исцеления своей ноги, то кто все-таки в баре поднял в воздухе долбаный стакан?!.. Неужели опять я?!..

Катя

– Катя! – позвал знакомый голос совсем близко, и я лениво повернула голову. Это был Константин. Рядом с ним маячил Никита.

Мы с Громовым пару минут назад вернулись на причал. Сдав меня в руки гида, успевшему завершить экскурсию и давшему туристам полчаса свободного времени, Владлен скрылся в толпе. Толпа была не наша: рядом с «Верещагиным» сделал остановку еще один теплоход. Впрочем, из своих тоже многие уже вернулись. Например, все три сестры были здесь, также еще парочка знакомых лиц промелькнула поблизости. Юльки не было.

– Хорошо, что с тобой все в порядке, – кивнул сам себе высоченный парень.

– А что со мной может быть не в порядке? – спросила я по возможности самым спокойным тоном, однако внутри разрывалась бомба: откуда они знают?!

Ответил Никита:

– За тобой следил загадочный мужик. Мы боялись, что это маньяк какой-то. Потом он пропал из вида.

– А потом он появился уже вместе с тобой, – закончил Костя.

Они ничего не знают...

– Как это следил? Почему именно за мной, мы же всей группой ходили? Я не поняла, с чего вы взяли? – посыпались на них вопросы, причем, безэмоциональные.

– Потому что он сразу ушел, – охотно пояснил Никита. – То есть якобы ушел. А из кустов смотрел за тобой. А когда ты вместе с тетками какими-то пошла на колокольню, он пошел за вами следом.

– Как? – удивилась я. Ведь выходило, что Громов пошел за нами, однако на место прибыл раньше. Впрочем, мы шли медленно. – Вы ничего не перепутали?

Константин с важным видом поправил очки в тонкой золотой оправе и гордо ответил:

– Я ничего никогда не путаю. Я методично собираю факты и делаю соответствующие выводы.

– Он ничего с тобой не сделал? – снова прилепился взволнованный Никита. – Он какой-то странный.

– Сами вы странные! – психанула я и демонстративно отвернулась, начав разговор с Вероникой.

Однако Никита обошел меня и встал так, чтобы мы снова были лицом к лицу. Для этого чуть-чуть потеснил Нику.

– Мы не странные, мы сверхчувствительные! – с толикой хвастовства заявил он. Моя новая приятельница, услышав последнее слово, воззрилась на парня с интересом и постепенно растущей нежностью, однако средняя сестрица не дала этой нежности расцвести и дальше, сделав сердитым тоном замечание:

– Перестань глазеть на мужчин! Это непристойно!

Вероника покраснела, одарила Богдану мимолетным взглядом, полным ненависти, и отошла в сторону.

– Дурдом, – прошептала я в пустоту и вернулась к Никите. – О чем ты?

– О том, что я вижу будущее, – бесхитростно выдал тот страшную личную тайну, из чего я сделала вывод, что он врет. Ну кто так просто признается почти незнакомому человеку, да еще и в толпе прочих незнакомых людей, в своих сверхспособностях? Это если учитывать, что они вообще существуют.

Подскочивший Константин, прочитав неверие на моем лице, поспешил подтвердить:

– Это правда.

– Что, и ты тоже? – хихикнула я. – Ясновидящий?

– Нет, – мотнул тот головой, а Никита поправил:

– Не ясновидящий, а провидец. Настоящее я не вижу, и прошлое тоже, только будущее.

– Он угадывает исходы всех футбольных матчей, – сообщил его друг, догадавшись понизить голос. Все-таки беседа носила характер нетривиальной, он не хотел, чтобы народ стал прислушиваться и крутить пальцем у виска.

– Ну... практически всех, – скромно подтвердил первый.

– А выступавший Харитон, читающий мысли, твой дядюшка, да? – хохотала я уже открыто, по-дружески хлопая Никиту по плечу. Ну ребята, ну юмористы... То в защитники пытались записаться, теперь вот в нострадамусы поперли. И чего им надо-то от меня, интересно? Что-то колоссальное, надо полагать, раз так куражатся.

Никита обиженно скинул мою руку с плеча и серьезно ответил:

– Нет, я его вообще не знаю.

Его тон начал меня занимать. Когда вы хотите убедить кого-то в вашей лжи, то, конечно, будете серьезнее некуда, даже если эта ложь абсурдна. Но если вам уже не поверили? И над вами открыто смеются? Для чего продолжать балаган?

Додумать мысль мне не дала дотронувшаяся до моей спины Юлька.

– О, вы вернулись! – обрадовалась я, оглядывая троицу. Стоп... А почему их трое-то? Я вроде подругу с одним кавалером отпустила. Откуда взялся второй?

Я оглядела Руслана, с заботой и легкой грустью смотрящего на Юльку и проникновенно ей улыбающегося. Так-так-так, образовался любовный треугольник.

Несмотря на то, что отведенные полчаса свободного времени истекли, на теплоход нас почему-то не собирались пускать. Возникла какая-то суматоха, работница ресепшен на входе что-то смущенно объясняла туристам, пытающимся попасть внутрь. По толпе прошелся шепоток, дескать, что-то страшное случилось. И что мы дальше не поплывем.

Когда на суд обозленной толпы вышел организатор круиза, какой-то мужик в костюме громко крикнул:

– Это правда, что теплоход сломался?

Остальные сдавленно охнули, но директор кинулся отрицать.

– Уважаемые, с «Верещагиным» все в порядке. Прошу вас, вы можете подняться на борт.

– А почему нас тогда держали на улице, как каких-то бродячих котов? – возмутилась престарелая леди.

– Возникли некоторые трудности с... одной отдыхающей. Они улажены, можете проходить. За обедом я расскажу подробнее.

Ефим Алексеевич (или как там его звали, точно не помню) посторонился, народ потихоньку завалился внутрь. Хотя «завалился» тут неподходящее слово. Все-таки не зря я выбрала престижный теплоход. Вот невоспитанные пролетарии принялись бы толкаться и ругаться матом. А здесь все заходили строго по одному, стараясь не создавать давку. Юлька бы сейчас поспорила, что дело не в занимаемых должностях и не в принадлежности к элите, а в самих людях. Что ж, может, она и права, но галдеж дешевых рынков не сопоставим с тихим поведением людей в консерваториях и на выставках. Хотя тут дело уже не в недостатке семей, а в существовании в них духа интеллигенции. И я жаждала именно этого, гоняясь за шиком и презентабельностью.

В ресторане к нам сели сестры. Деятельная Богдана утащила стул у другого стола, и все разместились почти с комфортом. Четверо наших новых друзей мужского пола уселись за соседний столик. Громова нигде не было видно.

Нам подали овощной салат и уху. Когда Ника приступила к трапезе, средняя сестра со всей дури треснула ее по спине.

– Сядь прямо!

Вероника подавилась и закашлялась, прикладывая к губам салфетку. Юлька сочувственно взглянула на соседку и сама выровняла спину, будто опасалась, что злая тетя и ей сделает выговор.

В конце зала было намечено что-то вроде сцены – возвышенность с микрофоном посередине. Однако до «титула» сцены площадка недотягивала размером, она годилось лишь для сольного выступления, причем без аккомпанемента. Поэтому до сей поры я ее не замечала, но тут директор круиза вышел из какой-то боковой двери и приблизился к микрофону.

– Дамы и господа, напоминаю, что меня зовут Ефим Алексеевич, я организатор этого круиза и директор фирмы «Речной тур». Сегодня произошел прискорбный и из ряда вон выходящий случай. На борту нашего теплохода «Василий Верещагин» скончалась известная актриса, заслуженная артистка СССР и России Александра Невалышина. – Весь зал ахнул. Вероника побледнела и схватилась руками за горло. Ее губы принялись что-то шептать, из-за общего гула не было слышно, что именно. – Наш врач осматривает тело, чтобы установить причину смерти. Мои работники пытаются на данный момент связаться с ее семьей.

– У нее нет семьи, – стал слышен шепот Вероники в связи с воцарившейся тишиной. – Только внук. Сын в тюрьме...

– Я понимаю, что эта новость крайне негативно скажется на вашем настроении. И все же прошу вас не расстраиваться и не забывать, что вы находитесь здесь, чтобы отдыхать и веселиться. У каждого на этой земле свой путь, и вышло так, что сегодня путь этого талантливейшего человека, увы, завершился. Завершился именно в нашей чудесной компании. Что ж, так хотел Господь. Спасибо за внимание. Почтим минутой молчания память Александры Ивановны. – По истечении этого времени он закончил речь следующей фразой: – В связи с этим печальным событием я распорядился угостить каждого рюмкой коньяка семилетней выдержки. За мой, разумеется, счет. Помянем великую артистку!

Услышав про горячительный напиток, некоторые пришли в безнравственную радость. Я сморщилась. Образцова расширила глаза, повернувшись ко мне лицом. «Что поделать, все люди сволочи, – говорил мой ответный взор. – Даже такие воспитанные, как пассажиры люксового теплохода».

С Никой же творилось что-то из ряда вон. Она принялась рыдать, не стесняясь семьи и посторонних людей. Причем с привываниями и причитаниями, словно любимого мужа хоронила. Или детей.

Юлия сидела рядом с ней и потому начала гладить девушку по голове. Потом вдруг покраснела, решив, наверно, что это неприлично для едва знакомых людей, и руку убрала, опустив глаза низко-низко.

Богдана и Варвара иногда отрывали взоры от тарелок, чтобы направить их на сестру, но тут же возвращали назад. Что и говорить, их не сильно озаботила смерть какой-то там женщины. Они и во время речи директора круиза продолжали медленно, чинно есть, держа, само собой разумеется, спину настолько ровно, точно она была сотворена из стального бруса, а не из плоти и крови. Совсем неожиданно для себя я задумалась над тем, как помочь Веронике (что это со мной?), и только успела дойти мысленно до умерщвления старших сестер путем подбрасывания в их суп ржавых гвоздей, как помощь пришла из другого места: через весь зал к нам ринулся невысокий матрос, замер возле Вероники и прижал ее голову к своей груди. Вернее, к животу, так как девушка сидела, а он остался стоять. Приглядевшись, я поняла, что мужчина был корейцем. Или другим каким азиатом, я в них не особенно разбираюсь. Юлька оторвалась-таки от созерцания своих колен и удивленно приоткрыла рот. Богдана изобразила на лице выражение крайней брезгливости, Варвара шепнула «Идем!», и они спокойно удалились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.